

Николай Ивановичъ
Лироговъ

Очеркъ его общественной дѣятельности, какъ профессора,
врача-хирурга, писателя и педагога

съ 24-го мая 1831 г. по 24-ое мая 1881 г.

Д-ра *И. В. Бертенсона.*

2-е изд. очерка, напечатаннаго въ журн. „Русская Старина“ 1881 г. кн. 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе К. Риккера, Невскій проспектъ, 14.

1881

„ВРАЧЪ“.

Посвященная всѣмъ отраслямъ клинической медицины и гигиены и всѣмъ вопросамъ врачебнаго быта, выходитъ и въ 1881 году по той же программѣ и въ томъ же объемѣ, какъ и въ истекшемъ году, а именно:

1) Статьи по всѣмъ отраслямъ клинической медицины и по такимъ вопросамъ неклиническихъ медицинскихъ наукъ, которые имѣютъ прямой клинической интересъ.

2) Статьи по общественной и частной гигиенѣ.

3) Статьи объ образованіи, бытовыхъ условіяхъ и общественной дѣятельности врачей.

4) Біографіи, некрологи и статьи по исторіи медицинъ — преимущественно русской.

5) Критическія статьи и рецензіи нѣкоторыхъ иностранныхъ и главнѣйшихъ русскихъ книгъ, касающихся программы „Врача“; кромѣ того, библиографическій перечень по возможности всѣхъ медицинскихъ книгъ и журнальныхъ статей, выходящихъ на русскомъ языкѣ.

6) Отчеты о засѣданіяхъ ученыхъ и другихъ обществъ, могущихъ интересоваться врачей.

7) Реформы о главнѣйшихъ работахъ изъ текущей журнальной прессы, какъ иностранной, такъ и русской; рефераты будутъ печататься по возможности по спеціальностямъ (насколько, впрочемъ, это совмѣстимо съ условіями изданія еженедѣльной газеты).

8) Хроника всѣхъ явленій русской и заграничной жизни, по скольку эти явленія представляютъ спеціальныи интересъ для врачей; слухи, правительственныя сообщенія.

9) Всякаго рода объявленія, за исключеніемъ рекламъ и объявленій о тайныхъ средствахъ.

Статьи (въ заказныхъ письмахъ) высылаются на имя редактора профессора *Вячеслава Авксентьевича Манассеина* (Петербургъ, Симбирская, 57, кв. 4).

Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ, 9 р., за полгода 4 р. 50 к. Подписка принимается у издателя — *Карла Леопольдовича Риккера* (Петербургъ, Невскій, 14).

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ

ЛИРОГОВЪ

— ⊙ —

ОЧЕРКЪ ЕГО ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ, КАКЪ ПРОФЕССОРА,
ВРАЧА-ХИРУРГА, ПИСАТЕЛЯ И ПЕДАГОГА

СЪ 24-ГО МАЯ 1831 Г. ПО 24-ОЕ МАЯ 1881 Г.

Д-ра *И. В. Бертенсона.*

2-е изд. очерка, напечатаннаго въ журн. „Русская Старина“ 1881 г. кн. 3.

— — —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе К. Риккера, Невскій проспектъ, 14.

1881

(613)

Николай Ивановичъ Пироговъ.

I.

Въ 1824—1825 учебнымъ году въ Императорскій московскій университетъ на медицинскій факультетъ поступилъ четырнадцати-лѣтній, не достигшій слѣдовательно еще юношескаго возраста, молодой человѣкъ.

Студентъ-ребенокъ этотъ, посвятившій себя въ столь ранніе годы изученію многотрудной науки медицины, былъ Николай Ивановичъ Пироговъ ¹⁾.

Спустя три года, въ 1827—1828 г., 17-ти лѣтъ отъ роду, Николай Ивановичъ окончилъ курсъ наукъ съ званіемъ лекаря и, по совѣту профессора Е. О. Мухина, вступилъ въ существовавшій тогда профессорскій институтъ. Столь быстрое, непонятное для нашего времени, прохожденіе медицинскаго курса и вступленіе въ учрежденіе, имѣвшее цѣлью готовить молодыхъ людей къ профессорской дѣятельности, само собою уже говоритъ, что этому юному семнадцати-лѣтнему врачу предстояла незау-

¹⁾ Н. И. Пироговъ родился 13-го ноября 1810 г. въ Москвѣ, въ приходѣ Троицы въ Сыромятняхъ, въ собственномъ домѣ отца, чиновника, если не ошибаюсь, 8-го класса, служившаго казначеемъ въ московскомъ военно-провіантскомъ депо. Николай Ивановичъ получилъ домашнее воспитаніе и только два года былъ полупансіонеромъ въ частномъ пансіонѣ Кряжева. Разразившійся надъ семействомъ Пирогова, состоявшемъ изъ отца, матери, трехъ сыновей и трехъ дочерей, бѣды, поглотившій все состояніе отца Н. И. Пирогова, принудили Николая Ивановича рано оставить школу и вступить подросткомъ, 14-ти съ небольшимъ лѣтъ, въ московскій университетъ. Этому содѣйствовалъ профессоръ университета, извѣстный въ то время врачъ, Е. О. Мухинъ.

рядная будущность въ виду богатыхъ и счастливыхъ способностей, которыми онъ былъ щедро одаренъ. Изъ Москвы нашъ кандидатъ на профессора, молодой Пироговъ, отправленъ былъ въ Дерптъ, куда въ то время въ профессорскій институтъ посылались для усовершенствованія молодые талантливые люди ¹⁾. Пробывъ въ дерптскомъ университетѣ, на медицинскомъ факультетѣ, вмѣсто двухъ лѣтъ пять, вслѣдствіе того, что по случаю французской революціи выѣздъ за границу былъ въ то время, невозможенъ, онъ въ 1833 г., годъ спустя по выдержаніи блистательно экзамена и по защищеніи диссертациі ²⁾ на степень доктора медицины, былъ удостоенъ этого званія. Изъ этихъ пяти лѣтъ пребыванія Николая Ивановича въ Дерптѣ, только два года были ему зачислены въ дѣйствительную службу ³⁾.

Едва только сдѣлалось возможнымъ удовлетворить столь понятному желанію, какимъ представлялось дальнѣйшее усовершенствованіе за границей, Пироговъ отправился въ Берлинъ, затѣмъ въ Геттингенъ, гдѣ онъ съ необычайнымъ рвеніемъ и усердіемъ посѣщалъ лекціи лучшихъ профессоровъ тогдашняго времени, имѣя для своего усовершенствованія всего лишь два года. Обогадивъ себя знаніями, съ свѣтлыми надеждами на будущее, нашъ молодой ученый спѣшилъ возвратиться на родину, чтобы посвятить себя профессорской дѣятельности, для которой онъ, какъ бы самой судьбой, былъ предназначенъ; къ несчастію, на пути въ Россію, прибывъ въ Ригу, Николай Ивановичъ тяжело заболѣлъ. Болѣзнь его была тяжка и долговременна; одинокій, на больничной койкѣ въ рижскомъ военномъ госпиталѣ, Николаю Ивановичу приходилось проводить не легкіе часы обдумывая свое тяжелое положеніе, въ которомъ онъ въ то время находился. Нравственному томленію его суждено было еще болѣе обостриться вслѣдствіе дошедшаго до него извѣстія, что въ Москву на кафедру хирургіи былъ избранъ графомъ С. Г. Строгановымъ бывшій университетскій товарищъ его, Пирогова, Иноземцевъ. Описывая свое тяжелое положеніе, съ горечью думая

¹⁾ Профессорскій институтъ этотъ былъ, какъ извѣстно, учрежденъ по плану, предложенному академикомъ Парротомъ.

²⁾ «Num vinctura aortae abdominalis in aneurismate inguinali adhibitu facile actutum sit remedium. Dorp. Liv. 8. 1832. I. Надъ этою диссертациею Н. И. работалъ съ 1829 по 1833 годъ.

³⁾ Окончилъ курсъ 24-го мая 1828 г. Поступилъ на государственную службу 24 мая 1831 г. Удостоенъ званія доктора медицины 30 ноября 1832 г.

о тщетѣ юношескихъ надеждъ и мечтаній, Николай Ивановичъ въ письмѣ, адресованномъ имъ въ то время къ одному изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, сѣтуя на свое положеніе, такъ охарактеризовалъ его:

„А я, москвичъ, остался на бобахъ и на госпитальной койкѣ!“ Не долго однако продолжалось это томительное положеніе нашего молодого ученаго—будущаго свѣтилы русской хирургіи.

Во время своего пятилѣтняго пребыванія въ Дерптѣ, Пироговъ изъ всѣхъ русскихъ молодыхъ людей, бывшихъ его сверстниками и посланныхъ правительствомъ въ Дерптъ для усовершенствованія, обратилъ на себя особенное вниманіе членовъ медицинскаго факультета. Въ Дерптѣ память о Пироговѣ долгое время жила традиціонно и между учащимися; несмотря на особенности этого университета и на то, что Дерптъ, въ то отдаленное уже отъ насъ время, жилъ своеобразною, нѣмецкою жизнью, дерптскій же университетъ, въ особенности медицинскій факультетъ его, считалъ въ своей средѣ ученыхъ профессоровъ, пользовавшихся громадною европейскою извѣстностью; къ чести факультета и всего университета, слѣдуетъ сказать, что изъ всѣхъ русскихъ университетовъ именно этотъ послѣдній сумѣлъ оцѣнить по достоинству дарованія и способности молодого русскаго ученаго. И только благодаря самому себѣ, своимъ неутомимымъ трудамъ, знанію и таланту, Пироговъ съ печальной койки рижскаго военнаго госпиталя, по предложенію его бывшаго знаменитаго учителя, впоследствии ректора дерптскаго университета, Мойера, былъ приглашенъ занять кафедру хирургіи.

Фактъ этотъ, самъ по себѣ весьма поучительный, получаетъ еще болѣе глубокое значеніе, если принять во вниманіе, что дерптскій университетъ, на подобіе всѣхъ германскихъ университетовъ, не можетъ нуждаться въ ученыхъ силахъ для комплектованія ихъ, въ случаѣ надобности, имѣя право приглашать изъ заграницы ученыхъ профессоровъ, пользующихся наибольшею извѣстностью. Слѣдуетъ, посему, не безъ основанія, предположить, что въ описываемую нами эпоху, на призывъ дерптскаго университета могли бы отозваться ученые хирурги Германіи, страны, какъ извѣстно, издавна стоявшей на высокой степени культурнаго развитія. Появленіе на кафедрѣ хирургіи, послѣ знаменитаго Мойера, молодого 26-ти лѣтняго профессора, произвело среди нѣмецкихъ ученыхъ и дерптской публики не мало впечатлѣнія. Въ аудиторіяхъ, въ анатомическомъ театрѣ соби-

рались слушатели не только медицинскаго, но и другихъ факультетовъ. Въ диво было студентамъ-нѣмцамъ слушать съ высоты кафедры русскаго ученаго, сообщавшаго имъ, въ талантливомъ и глубоко научномъ изложеніи, на ихъ родномъ языкѣ, великія завоеванія именно въ той отрасли медицинскихъ знаній, въ которой требуется не догматическое лишь сухое изложеніе, а громадныя научныя знанія и искусство, для всѣхъ одинаково видимыя и понятныя.

Посвящая ежедневно восемь часовъ для занятія въ клиникѣ, аудиторіи и въ анатомическомъ театрѣ, Николай Ивановичъ въ періодъ времени съ 1836 по 1840 г., издалъ слѣдующіе замѣчательные ученые труды свои:

1. „Anatomia chirurgica truncorum arteriarum atque fasciarum fibrosum“. Atlas F. I. Dorp. 1837.

2. „Ueber die Durchschneidung der Achillessehne als operatif-orthopädisches Heilmittel. (Mit 7 Taf.) Dorpat. 4. 1840. I.

3. „Chirurgische Anatomie der Arterienstämme und der Fascien“. Dorpat. 1840. I.

Въ 1837 г., вскорѣ послѣ изданія его перваго труда, именно: „Хирургической анатоміи фасціи и артерій“, о которомъ упомянуто выше, Николай Ивановичъ былъ отправленъ дерптскимъ университетомъ въ Парижъ, откуда онъ привезъ необыкновенно лестные отзывы объ его ученыхъ трудахъ знаменитаго хирурга Вельпò. Преданіе гласитъ, что когда Николай Ивановичъ представился этому свѣтилѣ парижской медицинской школы, то засталъ Вельпò разсматривающимъ атласъ, приложенный къ анатоміи фасціи и артерій, сочиненіе, за которое Николай Ивановичъ удостоенъ былъ, лишь впоследствии, въ 1840 г. академіею наукъ Демидовской преміи. Когда Вельпò узналъ, что въ Парижъ Пирогова привело желаніе учиться у него, то съ живостью отвѣтилъ:

— „Вы застали меня за вашей анатоміей, не вамъ учиться у меня, а мнѣ у васъ“.

Въ 1840 г. Пироговъ вручилъ Клейнмихелю, назначенному тогда попечителемъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, проектъ объ учрежденіи въ Россіи госпитальныхъ клиникъ для оканчивающихъ курсъ и молодыхъ врачей. Проектъ этотъ былъ принятъ и утвержденъ и въ то же время Николай Ивановичъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для занятія въ медико-хирургической академіи кафедры госпитальной хирургіи при вто-

ромъ военно-сухопутномъ госпиталѣ и должности старшаго врача хирургическаго отдѣленія этого же госпиталя, съ правомъ принимать въ него и гражданскихъ больныхъ. Съ тѣхъ поръ постепенно и начали организоваться госпитальныя клиники и въ другихъ русскихъ университетахъ. Проектъ этой организаци и выборъ лицъ составлялись въ особомъ комитетѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, при бывшемъ министрѣ Уваровѣ (тогда еще не графѣ), въ члены котораго былъ избранъ и Николай Ивановичъ Пироговъ.

Многотрудная дѣятельность и путь, усѣянный массою препятствій,—въ числѣ которыхъ узкія, бюрократическія возрѣнія на значеніе профессорской дѣятельности и на госпитальное дѣло играли не послѣднюю роль,—выпали на долю Николая Ивановича съ появленіемъ его въ медико-хирургической академіи въ качествѣ профессора хирургіи и старшаго врача хирургическаго отдѣленія военнаго госпиталя. Новая освѣжающая струя знанія и неутомимой дѣятельности, внесенная Пироговымъ въ пропитанныя міазмами стѣны втораго военно-сухопутнаго госпиталя, до такой степени ошеломила поборниковъ военно-госпитальной администраціи 1840-хъ годовъ, что тогдашній главный врачъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя, на настойчивыя требованія объ улучшеніи гигиеническихъ условій госпиталя и существовавшихъ порядковъ относительно ухода, содержанія и продовольствія больныхъ, серьезно заподозрилъ Пирогова въ помраченіи его умственныхъ способностей, о чемъ „конфиденціально“ и довелъ до свѣдѣнія бывшаго военнаго министра!... Вотъ что писалъ, въ 1871 г., по поводу существовавшихъ за 30 лѣтъ предъ тѣмъ порядковъ въ названномъ госпиталѣ, Пироговъ, въ предисловіи къ моей книгѣ: „Барачныя лазареты въ военное и мирное время“.

„Кто не видѣлъ собственными глазами, что значитъ леченіе сифилитиковъ въ госпиталѣ, устроенномъ по старой корридорной системѣ, тотъ вѣрно не повѣритъ въ наше время, что 30 ¹⁾ лѣтъ тому назадъ я засталъ во 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ цѣлыя палаты съ больными, страдавшими омертвѣніями всѣхъ возможныхъ видовъ (дифтеритическими, цинготными, фунгозными) цѣлой передней стѣнки живота и проч.; кровотеченія, піемія и септикемія принадлежали тогда у сифилитиковъ къ вседневнымъ явленіямъ, и это случалось у молодыхъ, здоровыхъ и крѣпко сложенныхъ гвардейцевъ“.

¹⁾ Слова эти были писаны въ 1871 г.

Несмотря на то, что завѣдываніе хирургическимъ отдѣленіемъ и веденіе госпитальной хирургической клиники поглощали все время Пирогова, онъ принялъ на себя чтеніе курса патологической анатоміи на трупахъ. Въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ своей неустанной профессорской дѣятельности Пироговъ издалъ шесть выпусковъ „Прикладной анатоміи“, съ атласомъ *in folio*, (изданіе это, вслѣдствіе банкротства книгопродавца Ольхина, къ сожалѣнію, не окончено) и „Атласъ анатоміи для судебныхъ врачей“, по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1845 г. Николай Ивановичъ внесъ проектъ въ конференцію медико-хирургической академіи объ учрежденіи анатомическаго института. Предложеніе это встрѣтило громадную оппозицію и проектъ его, не безъ жестокой борьбы, былъ наконецъ утвержденъ попечителемъ Веймарномъ, такъ что въ слѣдующемъ, 1846 г., Пироговъ былъ посланъ за границу отъ академіи для ознакомленія съ устройствомъ заграничныхъ анатомическихъ институтовъ и пріисканія за границею ученаго прозектора для проектированнаго института. Исполнивъ съ успѣхомъ это порученіе, Пироговъ привезъ съ собою изъ заграницы молодого прозектора, рекомендованнаго ему профессоромъ Гиртлемъ, сильно заинтересовавшаго Пирогова своими прекрасными анатомическими работами; выборомъ прозектора и самъ Пироговъ, и медико-хирургическая академія, по справедливости, могутъ гордиться. Молодой человѣкъ этотъ — знаменитый Груберъ, до сихъ поръ достославно подвизающійся на поприщѣ науки въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи.

Въ слѣдующемъ 1847 г. Пироговымъ впервые примѣнена въ Россіи этеризація; эфированіе при операціяхъ примѣнялось имъ какъ въ госпитальной клиникѣ, такъ и въ городскихъ больницахъ: Обуховской, Петропавловской, Маріи-Магдалины и Дѣтской, консультантомъ при которыхъ Николай Ивановичъ состоялъ бесплатно въ теченіи четырнадцати лѣтъ.

Опыты надъ животными, потомъ надъ людьми, навели Пирогова на мысль примѣнить эфированіе *per rectum*; результаты своихъ наблюденій онъ изложилъ въ опубликованной имъ, въ 1847 г., книгѣ на французскомъ языкѣ: „*Recherches pratiques et physiologiques sur l'étherisation*“ St.-Pet. 8°. 1847. I. Послѣ опубликованія только-что названной работы, Николай Ивановичъ, въ іюль мѣсяцъ того же года, былъ по высочайшему повелѣнію командированъ на Кавказъ, съ цѣлью примѣненія этери-

заціи на театрѣ военныхъ дѣйствій. Благосклонно принятый бывшимъ намѣстникомъ Кавказа, княземъ М. С. Воронцовымъ, Пироговъ въ теченіи шести недѣль находился при осадѣ крѣпостнаго аула Салты; постоянные вылазки, подкопы, наконецъ, штурмованіе одной части аула,—все это доставило возможность Николаю Ивановичу подавать хирургическую помощь нѣсколькимъ сотнямъ раненыхъ, причемъ у всѣхъ, требовавшихъ оперативнаго пособія, онъ примѣнялъ эфированіе *per osu per rectum*, помощью придуманнаго имъ прибора, на самомъ полѣ сраженія. Здѣсь же онъ, впервые, на полѣ сраженія, въ сложныхъ переломахъ конечностей употребилъ крахмальныя повязки, предложенныя, какъ извѣстно, бельгійскимъ хирургомъ Сетеномъ. Осмотрѣвъ, по порученію бывшаго директора военно-медицинскаго департамеита В. В. Пеликана, всѣ кавказскіе военные госпитали, Пироговъ въ 1848 г. зимою возвратился обратно въ С.-Петербургъ. Плодомъ его поѣздки на Кавказъ было появленіе въ свѣтъ (въ 1849 г.) его отчета на французскомъ языкѣ: „*Rapport médical d'un voyage au Caucase*“ съ атласомъ, статистикой всѣхъ произведенныхъ имъ съ анестезированіемъ операций, и съ его изслѣдованіемъ, на живыхъ и на трупахъ, различныхъ свойствъ огнестрѣльныхъ ранъ. На русскомъ языкѣ трудъ этотъ былъ опубликованъ въ журналѣ медико-хирургической академіи.

1848 годъ ознаменовался, какъ извѣстно, появленіемъ въ С.-Петербургѣ азіатской холеры; уже при разѣздахъ его по Кавказу, Николай Ивановичъ имѣлъ случай впервые ознакомиться съ этой страшной гостьей. Холера сильно свирѣпствовала въ станицахъ и войскахъ и уже лѣтомъ того же года она стала собирать богатую жатву и въ нашей столицѣ. Пироговъ тотчасъ же образовалъ въ своей госпитальной клиникѣ, для однихъ только больныхъ ціанотическою холерою, особое отдѣленіе и, въ теченіи шести недѣль разгара эпидеміи, произвелъ въ своемъ госпитальномъ отдѣленіи и другихъ городскихъ госпиталяхъ, свыше 800 вскрытій холерныхъ. Здѣсь не безъ интереса замѣтить, что въ теченіи четырнадцати лѣтъ, занимая кафедру патологической анатоміи, Н. И. Пироговъ произвелъ свыше 11,600 вскрытій труповъ, составляя о каждомъ вскрытомъ имъ трупѣ подробный протоколъ.

Плодомъ неутомимой дѣятельности Николая Ивановича во время свирѣпствованія въ столицѣ азіатской холеры, наведшей,

какъ извѣстно, панику не только на населеніе столицы, но и на врачей, было появленіе въ свѣтъ (въ 1849 г.) его замѣчательнаго труда, удостоеннаго отъ академіи наукъ большою Демидовскою преміею. Трудъ этотъ именно былъ: „Патологическая анатомія азіатской холеры“, съ атласомъ in folio, на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Съ 1849 по 1852 г., несмотря на обширныя занятія его въ академіи, какъ профессора госпитальной клиники, патологической анатоміи, директора анатомическаго института и консультанта при больницахъ: Обуховской, Маріи Магдалины, Петропавловской, Дѣтской и Максимилиановской лечебницъ, Н. И. Пироговъ находилъ время къ приготовленію новаго и извѣстнаго ученаго труда, именно анналовъ госпитальной клиники, изданныхъ имъ на нѣмецкомъ языкѣ ¹⁾. Въ анналахъ этихъ онъ описалъ свою новую остеопластическую ампутацію въ суставѣ ноги, доставившую ему всемірную извѣстность. (Въ только что названной книгѣ, изданной въ 1854 г. въ Лейпцигѣ, съ приложеніемъ нѣсколькихъ литографированныхъ таблицъ, собственно собрано нѣсколько монографій; въ 1-й части этой книги изложена операція остеопластическаго удлинненія голенныхъ костей, при экзертикуляціи стопы, затѣмъ, разсужденія о затрудненіяхъ при хирургическомъ діагнозѣ и „о счастіи въ хирургіи“, съ поясненіями и приложеніями исторіи болѣзни).

Послѣднее, только что названное, разсужденіе было написано Н. И. Пироговымъ подъ впечатлѣніемъ вопроса, дебатированнаго въ медицинскомъ совѣтѣ. Въ то время, именно, шла рѣчь объ новомъ экзаменаціонномъ уставѣ на пріобрѣтеніе степени доктора медицины и хирургіи. Уставомъ этимъ требовалось производство докторантомъ трехъ операцій, „съ счастливымъ исходомъ“. Николай Ивановичъ, авторитетнымъ своимъ мнѣніемъ, возсталъ противъ такого условія въ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, между тѣмъ какъ многіе товарищи Пирогова по медицинскому совѣту, старались именно это требованіе сдѣлать для докторантовъ обязательнымъ. Противъ мнѣнія Пирогова возстали, въ особенности, трое изъ наиболѣе уважаемыхъ и опытныхъ хирурговъ тогдашняго времени; борьба была не легкая; Николаю

¹⁾ Betrachtungen über die schwierigkeiten der chirurgischen Diagnose und über das Glück in der Chirurgie. durch Beobachtungen und Krankheitsgeschichten erläutert. Leipzig. 1854.

Ивановичу пришлось доказывать, что опытъ, ловкость и знаніе хирурга отнюдь не обезпечиваютъ счастливаго исхода какой-либо предпринимаемой операціи, и что по исходу операціи нельзя судить о компетентности въ хирургіи кандидата. „Къ чему же“, замѣчали противники Пирогова, „служить блестяще выполненная операція, когда ею больному не приносится надлежащей помощи, или даже если вслѣдствіе ея больной умираетъ?“ Такого рода мнѣніе, высказанное компетентными въ то время хирургами, казалось для непосвященныхъ въ дѣло непогрѣшимымъ доводомъ въ пользу ихъ мнѣній. Повторяю,—борьба была не равная, но при неумолимой строгой логикѣ нашего геніальнаго хирурга, доводы его противниковъ, къ счастью, не имѣли успѣха. Что случилось бы, въ самомъ дѣлѣ, съ врачами-хирургами, ежели бы производимыя ими операціи были обсуждаемы съ точки зрѣнія оппонентовъ Пирогова, ставившихъ всю судьбу врача на мистически-фаталистическую почву? И не только условія эти на пріобрѣтеніе степени доктора хирургіи могли бы быть роковыми для хирурговъ, съ точки зрѣнія ихъ научной подготовки, но онѣ могли бы еще дать богатую почву для привлеченія врачей къ отвѣтственности за ошибки противъ науки.

— „Гдѣ“, спрашиваетъ Пироговъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, „границы успѣха хирургической операціи, гдѣ критерій счастливаго успѣха ея? Счастливый исходъ не только не указываетъ на достаточную ловкость оператора, но напротивъ по мнѣнію моему, иногда свидѣтельствуетъ, что операція произведена дурно и неискусно. Это кажется парадоксомъ, тѣмъ не менѣе, это совершенная истина“.

Ежели бы оппоненты Пирогова, извѣстные въ свое время хирурги, могли предвидѣть, что черезъ 15 лѣтъ профессоръ хирургіи медико-хирургической академіи, многоопытный операторъ, будетъ привлеченъ за ошибку противъ науки, по случаю несчастнаго исхода операціи, къ уголовной отвѣтственности (мы, именно, имѣемъ въ виду извѣстный процессъ покойнаго профессора Киттера, по жалобѣ вдовы Ридманъ, по случаю смерти ея мужа послѣ произведенной послѣдней операціи: ампутаціи части языка вслѣдствіе раковой опухоли), то вѣроятно, они съ меньшимъ упорствомъ отстаивали бы свое мнѣніе ¹⁾.

¹⁾ Сравни объ отвѣтственности врачей за ошибки противъ науки. „Мѣд. Вѣстникъ“ 1869 г., № 42. I. В. Бертенсонъ.

За только что названною работою, имѣющею не только громадное научное, но и общественное значеніе, застала Николая Ивановича восточная война. Ознакомившись при осадѣ Салты съ различнаго рода невыгодами крахмальныхъ повязокъ. Сетена въ полевой хирургической практикѣ и зайдя случайно однажды къ скульптору, онъ познакомился съ гипсованіемъ холста. Случай этотъ навелъ Пирогова на мысль примѣнить гипсованный холстъ къ наложенію неподвижныхъ и съемныхъ гипсовыхъ повязокъ. Испытавъ ихъ въ госпиталѣ, въ различныхъ видахъ, и достаточно убѣдившись въ ихъ удобствахъ, онъ описалъ гипсовую повязку во второй части своихъ клиническихъ анналовъ, изданныхъ въ Лейпцигѣ въ томъ же 1854 г. и въ особой брошюрѣ, на русскомъ языкѣ: „Неподвижная гипсовая повязка“. Въ этотъ же періодъ времени Н. И. началъ издавать выпусками свой знаменитый атласъ, съ текстомъ, на иждивеніе академіи, подъ именемъ:

„Anatomia topographica sectionibus per corpus humanum congelatum triplice directione ductis illustrata“ (1854—1859).

Между тѣмъ, насталь 1853 г.; война съ береговъ Дуная перенеслась въ 1854 г. подъ Севастополь. Кто могъ бы повѣрить, что въ тяжелую эпоху Крымской войны, когда тысячи людей гибли за родину отъ жестокихъ вражбихъ снарядовъ, а всего болѣе отъ неурядицы и неумѣлости бывшихъ дѣятелей этой войны, долженствовавшихъ охранять здоровье и жизнь доблестныхъ защитниковъ знаменитой русской твердыни, — когда такой, уже въ то время, извѣстный хирургъ, какъ Пироговъ, самъ себя предложилъ къ услугамъ осады, онъ только послѣ значительныхъ хлопотъ добился разрѣшенія отправиться въ Крымъ?!

II.

Извѣстная необыкновеннымъ, свѣтлымъ умомъ покойная великая княгиня Елена Павловна, вліяніемъ своимъ неоднократно выдвигавшая, при жизни своей, многихъ замѣчательныхъ людей изъ той среды посредственности, которая заглушала всякій талантъ и не давала хода людямъ науки, свѣта и не затемнен-

наго узкимъ бюрократизмомъ разума, познала и въ Пироговъ, не только двигателя науки, но и замѣчательнаго общественнаго, въ высшей степени честнаго, дѣятеля. Великая княгиня Елена Павловна не только содѣйствовала Н. И. Пирогову къ отпра-вленію его въ Севастополь, но поручила ему руководить заня-тіями организованной ею тогда крестовоздвиженской общины се-стеръ милосердія; впослѣдствіи такое порученіе—руководить за-нятіями сердобольныхъ вдовъ, дано было ему и по волѣ покой-ной Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны; кромѣ сего, великая княгиня Елена Павловна предоставила Николаю Ивановичу сформировать, по своему усмотрѣнію, небольшую кор-порацію врачей-хирурговъ на ея иждивеніе, съ тѣмъ, чтобы они находились въ непосредственномъ его вѣдѣніи, и никуда не на-значались военнымъ вѣдомствомъ, безъ его согласія; въ числѣ послѣднихъ были доктора: Каде, Оберъ-Миллеръ, Хлѣбни-ковъ, Беккеръ, Тарасовъ и другіе.

— „Всегда и вездѣ во время войны и другихъ обществен-ныхъ катастрофъ находятся люди, готовые пожертвовать и об-щественными интересами для своей личной выгоды; слѣдовательно, нѣтъ ничего мудренаго, что злоупотребленія“,—писалъ впослѣд-ствіи Пироговъ,—„обнаруживаются болѣе, чѣмъ когда нибудь и въ госпитальной администраціи. И какъ злоупотребленія эти обнаруживаются преимущественно въ такихъ вещахъ, какія для благосостоянія и здоровья больныхъ несравненно важнѣе, чѣмъ всѣ медицинскія пособія, то понятно, что врачъ не можетъ къ нимъ относиться равнодушно. Какъ бы онъ низко ни стоялъ на ступени іерархической лѣстницы, но коль скоро ему поручено леченіе хотя нѣсколькихъ больныхъ, его прямая обязанность не скрывать предъ начальствомъ того, что можетъ, по его убѣжденію, вредить больнымъ, и онъ будетъ недостоенъ своего призванія когда изъ неумѣстнаго страха или личныхъ расчетовъ удержится заявить правду тамъ, гдѣ идетъ дѣло о пользѣ его больныхъ. Всякій врачъ долженъ быть, прежде всего, убѣжденъ, что зло-употребленія въ такихъ предметахъ, какъ пища, питье, топливо, бѣлье, лекарства и перевязочныя средства, дѣйствуютъ также разрушительно на здоровье раненыхъ, какъ госпитальныя міазмы и заразы. А главные врачи должны помнить, что, требуя отъ младшихъ собратовъ необходимую въ военномъ вѣдомствѣ субор-динацію, они не должны употреблять ее во зло, какъ средство, заставляющее скрыть истину“.

Такъ думалъ Пироговъ, ставя на видъ, что бѣольшая часть раненыхъ не столько умираетъ отъ самыхъ поврежденій и операцій, сколько отъ госпитальныхъ заразъ и отъ недостатковъ въ администраціи.

„Къ чему служатъ всѣ искусныя операціи, всѣ способы леченія“, спрашиваетъ Николай Ивановичъ, „если раненые и больные будутъ поставлены администраціею въ такія условія, которыя вредны для здоровья, а это случается зачастую въ военное время. Отъ администраціи, а не отъ медицины, зависитъ и то, чтобы всѣмъ раненымъ, безъ изъятія и какъ можно скорѣе, была подана первая помощь, не терпящая отлагательствъ“. И эта главная цѣль обыкновенно не достигается. „Представьте себѣ“, говоритъ далѣе Пироговъ въ своемъ классическомъ сочиненіи: „Начала общей военной-полевой хирургіи“, откуда мы и почерпнули вышеприведенныя слова его, „тысячи раненыхъ, которые цѣлые дни переносятся на перевязочные пункты, въ сопровожденіи здоровыхъ; бездѣльники и трусы, подъ предлогомъ состраданія и братской любви, всегда готовы на такую помощь и какъ не помочь и не утѣшить раненаго товарища! И вотъ, перевязочный пунктъ быстро переполняется сносимыми ранеными; весь полъ, если пунктъ находится въ закрытомъ пространствѣ, (какъ, наприм., это было въ Николаевскихъ казармахъ и дворянскомъ собраніи Севастополя) заваливается ими; ихъ складываютъ съ носилокъ какъ ни попало; скоро наполняется ими и вся окрестность, такъ что и доступъ къ перевязочному пункту дѣлается труденъ; въ толкотнѣ и хаотическомъ безпорядкѣ слышатся только вопли, стоны и послѣдній хрипъ умирающихъ; а тутъ между ранеными блуждаютъ, изъ стороны въ сторону, здоровые товарищи, друзья и просто любопытные! Между тѣмъ стемнѣло; плачевная сцена освѣтилась факелами, фонарями и свѣчами; врачи и фельдшера перебѣгаютъ отъ одного раненаго къ другому, не зная, кому прежде помочь; всякій, съ воплемъ и крикомъ, зоветъ къ себѣ! Такъ бывало часто въ Севастополѣ на перевязочныхъ пунктахъ, послѣ ночныхъ вылазокъ и различныхъ бомбардировокъ. Случалось, что раненыхъ свозили въ перевязочный пунктъ безъ перевязки и скучивали въ госпиталяхъ, батареяхъ и казармахъ; такъ было послѣ ночнаго нападенія французовъ на Селенгинскій редутъ, въ мартѣ 1855 г.“.

Два дня спустя послѣ этой атаки, Николай Ивановичъ получилъ на перевязочный пунктъ въ дворянскомъ собраніи до 300

раненыхъ и всѣ были съ осложненными переломами; два дня они лежали въ другомъ госпиталѣ и привезены были къ Пирогову почти безъ перевязокъ; на пулевья отверстія, правда, были наложены кое-какъ бинты, но они скорѣй вредили, чѣмъ помогали; раны оказались распухшими, а нѣкоторыя даже помертвѣвшими. Другой разъ, при нападеніи французовъ на Камчатскій редутъ, было еще хуже: раненыхъ переносили на сѣверную сторону въ бараки и клали, по недостатку мѣста, на берегъ, на южной сторонѣ, гдѣ бѣльшая часть изъ нихъ провела цѣлую ночь безъ пособія...

Пробывъ въ теченіи шести мѣсяцевъ, съ октября 1854 г. по іюнь 1855 г., въ Севастополѣ и завѣдывая главными перевязочными пунктами въ дворянскомъ собраніи, госпитальныхъ баракахъ на сѣверной сторонѣ, въ госпиталѣ Николаевской батареи и въ пяти частныхъ домахъ Севастополя, Н. И. Пироговъ уставъ до крайности, а главное до глубины души разстроенный господствовавшею тогда неурядицею и самыми вопіющими злоупотребленіями администраціи, возвратился въ С.-Петербургъ, полагая чѣмъ нибудь способствовать перемѣнѣ врачебнаго дѣла Севастополя къ лучшему. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи Николай Ивановичъ не много успѣлъ сдѣлать. Послѣ нѣкотораго пребыванія въ С.-Петербургѣ, онъ былъ вновь командированъ въ Севастополь, причемъ Николай Ивановичъ пригласилъ съ собою нѣсколько новыхъ, избранныхъ имъ врачей, въ числѣ которыхъ былъ и С. П. Боткинъ, только что окончившій курсъ наукъ. Отправившись затѣмъ на мѣсто въ Севастополь, они прибыли уже послѣ паденія южной стороны его. Размѣстившись на сѣверной сторонѣ, и заставъ тамъ нѣсколько тысячъ раненыхъ и больныхъ, Пироговъ получилъ въ завѣдываніе вновь выстроенные въ Симферополѣ бараки; врачи и сестры, состоявшіе при Николаѣ Ивановичѣ, были распределены по палатамъ, а С. П. Боткину предоставлено было тифозное отдѣленіе. Пробывъ въ Симферополѣ отъ сентября 1855 г. до декабря того же года, Николаю Ивановичу поручено было осмотрѣть военные госпитали. До 70 госпиталей въ Перекопѣ, Херсонѣ, Екатеринославлѣ, Харьковѣ и въ проч. городахъ были переполнены въ то время дифтеритическими и тифозными больными и ранеными; множество больныхъ лежало съ отмороженными ногами; такое, какъ бы эпидемическое отмороженіе было вызвано транспортированіемъ больныхъ въ открытыхъ саняхъ, при 20⁰ морозахъ.

— „Страшное это было время“, говоритъ Н. И. Пироговъ, „его нельзя забыть до конца жизни!“

Мощному уму и энергіи его удалось, однако, пересилить ту нравственную немощь, которую онъ вынесъ изъ своей многотрудной и замѣчательной дѣятельности въ тяжелую эпоху Севастопольской осады. Едва возвратившись въ 1856 г. въ С.-Петербургъ, Николай Ивановичъ принялся оканчивать свой анатомическій атласъ и напалъ на мысль,—вмѣстѣ съ разрѣзами замороженныхъ труповъ пластинками, въ трехъ направлєніяхъ, представить первые опыты скульптурной анатоміи. Для этого онъ придумалъ обнажать разные, особенно подвижные, органы въ нормальномъ ихъ положеніи на замороженныхъ трупахъ, работая чрезъ оледенѣвшія ткани, долотомъ и молоткомъ. Вышли превосходные препараты, чрезвычайно поучительные для врачей; положеніе многихъ органовъ (сердца, желудка, кишекъ) оказалось вовсе не такимъ, какимъ оно представляется обыкновенно при вскрытіяхъ, когда отъ давленія воздуха и нарушенія цѣлости въ герметически закрытыхъ полостяхъ, это положеніе измѣняется до крайности. Въ Германіи и во Франціи пробовали, потомъ, подражать Пирогову, но смѣло можно утверждать, что никто еще изъ анатомовъ не представилъ такого полнаго изображенія нормальнаго положенія органовъ, какими представилъ ихъ нашъ знаменитый анатомъ-хирургъ. Замѣчательный атласъ его скульптурной анатоміи разошелся по библіотекамъ европейскихъ университетовъ, и теперь его не найти болѣе у книгопродавцевъ.

III.

Отзываясь не только на всѣ замѣчательные вопросы своего спеціальнаго знанія, но и на все то, что занимаетъ и волнуетъ общественное мнѣніе, Николай Ивановичъ не оставался равнодушнымъ и къ вопросамъ общественнымъ. Охваченный вѣяніемъ времени 1855—1856 гг., подъ вліяніемъ общаго въ то время настроенія и прогрессивнаго движенія, Николай Ивановичъ впервые затронулъ, съ свойственною ему ясностью взгляда и глубо-

кимъ пониманіемъ человѣческой природы, „вопросы жизни“. Подъ этимъ названіемъ появилась въ „Морскомъ Сборникѣ“, въ 1856 г., статья Николая Ивановича. Въ этой замѣчательной статьѣ Николай Ивановичъ, рѣзко и съ глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего мнѣнія, обрисовалъ всѣ слабыя стороны тѣхъ основъ всеобщаго и сословно-спеціального воспитанія, на которыхъ зиждилось педагогическое дѣло въ нашемъ отечествѣ. Къ большимъ мѣстамъ этого дѣла Н. И. Пироговъ съ такимъ искусствомъ умѣлъ притронуться, что разладъ между жизнью и школою сдѣлался для всѣхъ очевиднымъ; статья эта произвела громадное впечатлѣніе.

Ежели бы у насъ чаще обращались къ прошлому, то замѣчательныя мысли, высказанныя Н. И. Пироговымъ четверть вѣка тому назадъ въ „Вопросахъ жизни“, и теперь могли бы сослужить намъ службу.

Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, бывшій министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ пригласилъ Н. И. Пирогова занять мѣсто попечителя Одесскаго учебнаго округа. Желая, по разстроенному здоровью, оставить службу въ медико-хирургической академіи и переселиться на югъ, Николай Ивановичъ принялъ это предложеніе, но съ условіемъ, чтобы программа его дѣйствій была принята министерствомъ. Видно, сильно было обаяніе въ ту эпоху Н. И. Пирогова на умы лицъ, стоявшихъ на стражѣ народнаго просвѣщенія, если программа его не только была принята, но на выполненіе ея было ему дано полное согласіе.

И вотъ съ 1857 года начинается новая, научно-педагогическая дѣятельность нашего знаменитаго хирурга. Первымъ дѣломъ его было настоять на преобразованіи Одесскаго лица въ университетъ; въ томъ же году, послѣ совѣщанія съ профессорами, Н. И. Пироговъ выработалъ и представилъ проектъ въ министерство объ учрежденіи Новороссійскаго университета, со включеніемъ медицинскаго факультета; вслѣдствіе препятствій, встрѣченныхъ со стороны министерства финансовъ, не разрѣшившаго увеличить вывозную пошлину на пшеницу изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей для осуществленія мысли Пирогова и на содержаніе университета, дѣло затянулось; тѣмъ не менѣе проектъ его не былъ отвергнутъ и въ послѣдствіи осуществился въ другомъ видѣ и при другихъ средствахъ, но къ сожалѣнію безъ медицинскаго факультета, оказывающагося, какъ извѣстно, теперь крайне необходимымъ для всей южной и юго-восточной окраины нашего отечества.

Какъ и слѣдовало ожидать и какъ предвидѣлъ самъ Николай Ивановичъ въ объясненіяхъ своихъ съ министромъ, вскорѣ начались столкновенія его убѣжденій съ взглядами другихъ властей за свободу мысли и слова въ дѣлахъ научныхъ и общественныхъ; случилась, къ тому же, и перемѣна министра (А. С. Норова замѣнилъ Е. П. Ковалевскій) и Николаю Ивановичу предложено было другое мѣсто, именно—попечителя Кіевскаго учебнаго округа, и притомъ въ самое критическое время, въ началѣ развитія польской смуты.

Въ Кіевѣ выпали на его долю новыя затрудненія и столкновенія. Н. И. Пироговъ отстаивалъ, съ свойственной ему энергіей, свой коренной принципъ, по которому попечитель обязанъ оказывать на учащихся и учащихся одно лишь нравственное вліяніе и быть охранителемъ закона въ университетѣ; подлежащія же власти желали навязать ему мѣры, не имѣющія ничего общаго съ наукой, а слѣдовательно и съ университетомъ. Ежели бы Пироговъ въ состояніи былъ усвоить мнѣнія и желанія, которыя ему въ то время навязывали, то этимъ сразу было бы поколеблено его нравственное значеніе въ глазахъ профессоровъ и учащейся молодежи. Не помогли Николаю Ивановичу ни словесные, ни письменные его протесты, которыми онъ старался отклонить отъ себя функціи, ему не подлежащія; не помогли ему и аргументы, что въ теченіи его двухлѣтняго управленія округомъ, несмотря на возбужденное состояніе умовъ, не было ни одной серьезной студенческой демонстраціи, безпрестанно случавшейся тогда въ другихъ университетахъ; тщетно представлялъ онъ, что принявъ на себя несвойственную его призванію роль полицейскаго соглядатая, онъ, въ качествѣ попечителя, лишилъ бы себя самъ возможности дѣйствовать, въ случаѣ надобности, нравственнымъ своимъ вліяніемъ на среду людей, наиболѣе подвластныхъ этому вліянію... Но всѣ убѣжденія и доводы Н. И. Пирогова остались напрасными; клеветѣ удалось очернить его гдѣ слѣдуетъ, и онъ долженъ былъ оставить свой постъ, несмотря на его твердую увѣренность въ полной возможности удержать необдуманые порывы учащейся молодежи въ взволнованномъ политическими интригами краѣ.

Николай Ивановичъ уѣхалъ въ свое имѣніе и принялъ выборъ въ мировые посредники.

IV.

Придчину причинъ, вслѣдствіе которой Пирогову пришлось прервать столь плодотворную дѣятельность его въ званіи попечителя въ округахъ южной окраины государства, слѣдуетъ искать не въ одной лишь низменной клеветѣ, къ которой, какъ къ достойному ихъ орудію, прибѣгли лжепросвѣтителі русской молодежи. Нововведенія, которыя Пироговъ считалъ существенными, его намѣренія, которыя въ переживаемую нами нынѣ эпоху, могли бы быть примѣнены съ громадною пользою, были совершенно не поняты. Вѣруя во всемогущество живаго слова, Николай Ивановичъ во время своего попечительства, предложилъ наставникамъ воспользоваться этимъ средствомъ для бѣльшаго сближенія учащихся съ учащимися и учредить, подѣ предсѣдательствомъ директоровъ, инспекторовъ и при личномъ ихъ участіи, литературныя и научныя бесѣды.

— „Нельзя не удивляться“, пишетъ Пироговъ, „сколько благотворныхъ и нежданыхъ результатовъ дали эти бесѣды; ученики, безъ различія національностей (замѣтимъ, что въ южной окраинѣ, гдѣ былъ попечителемъ Пироговъ, общество состоитъ изъ разнообразныхъ національныхъ элементовъ) съ необыкновеннымъ рвеніемъ бросились за работу и подготовлялись къ устному, рѣже къ письменному, веденію бесѣдъ по тому, или другому предмету и, конечно, выбирали иногда предметъ для бесѣды не по силамъ, но всегда по склонностямъ и эти склонности, какъ учениковъ, такъ и учителей, обнаруживались наглядно. Свобода возраженій, конечно, не допускаемая на оффиціальныхъ урокахъ, поощряла учениковъ къ серьезному занятію предметомъ, избраннымъ для бесѣды, и обнаруживала неузнанныя способности и знанія учениковъ.

Затѣмъ, во время попечительства Николая Ивановича былъ, какъ извѣстно, поднятъ университетскій вопросъ, снова теперь возникшій. Н. И. Пироговъ объявилъ, прежде всего, что университетъ долженъ, сколь можно болѣе, имѣть свое самоуправленіе, съ ректоромъ во главѣ. Попечитель же учебнаго округа долженъ быть, по отношенію къ университету, ничѣмъ другимъ, какъ правительственнымъ контролемъ дѣйствій сего послѣдняго. Въ его „Университетскомъ вопросѣ“, напечатанномъ

министерствомъ народнаго просвѣщенія, но не пущенномъ въ продажу, Николай Ивановичъ утверждалъ:

— „Главная немощъ нашихъ университетовъ состоитъ въ недостаточномъ обновленіи и оживленіи интеллектуальныхъ силъ университета, дающія поводъ къ квіэтизму и непотизму въ средѣ профессоровъ“. Вина лежитъ не въ выборномъ началѣ; напротивъ, „оно должно быть также дорого для нашихъ университетовъ, какъ зеница ока для каждаго изъ насъ“, говоритъ Пироговъ. Онъ высказывалъ мнѣніе, что пока въ нашихъ университетахъ не будутъ значительно усилены средства къ развитію доцентуры и не дано льготъ для привлеченія свѣжихъ силъ, пока будетъ существовать обязательно курсовое слушаніе лекцій, съ его неудобнымъ послѣдствіемъ, чисто экзаменаціоннымъ направленіемъ ученія, пока будетъ налогъ на право ученія въ университетѣ, замѣняющій гонорары въ заграничныхъ университетахъ, пока профессора различныхъ по существу предметовъ, при различныхъ научныхъ достоинствахъ, заслугахъ и способностяхъ, будутъ получать однообразное штатное содержаніе, а университеты не будутъ имѣть никакихъ другихъ средствъ къ привлеченію лицъ, заслужившихъ имя въ наукѣ,—до тѣхъ поръ нельзя возлагать надежды на прочный и научный прогрессъ нашихъ университетовъ. „И конечно оживленія и обновленія силъ нельзя ожидать тамъ, гдѣ съ ограниченіемъ доцентуры сдѣлалось возможнымъ, болѣе чѣмъ когда нибудь, удержаніе за собою кафедры отъ 25 до 40 лѣтъ однимъ и тѣмъ же лицомъ“.

Студенческій вопросъ, какъ часть учебная, занималъ и тогда умы не менѣе, какъ и въ настоящее время. Въ совѣтѣ попечителей, созванномъ въ 1861 г. въ С.-Петербургѣ, въ посланіяхъ Н. И. Пирогова къ министру народнаго просвѣщенія и, наконецъ, какъ мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору, Н. И. Пироговъ, противъ принятыхъ въ то время мѣръ и преобразованій, излагалъ слѣдующее:

— „Какъ ни желательно“, говорилъ онъ, „для русской науки требовать отъ вступающихъ въ университеты солидной научной подготовки, имѣть дѣло съ одними учащимися элитами, но въ настоящее время это не мыслимо для насъ; бóльшая часть учащейся въ университетѣ молодежи, это дѣти чиновниковъ, военныхъ, священниковъ, мѣщанъ и проч., едва не пролетаріи, и не имѣютъ средствъ окончить солидное гимназическое или пригготовительное

образованіе. А наши университеты имѣютъ пока, и долго еще будутъ имѣть, не столько научное, сколько общеобразовательное значеніе. Затруднивъ поступленіе въ нихъ, не нанесемъ ли мы вредъ стремящейся въ университеты молодежи и самому государству? Другихъ высшихъ учебныхъ заведеній у насъ почти нѣтъ, а если и будутъ, то приливъ къ нимъ той же силы, которая теперь поступаетъ въ университеты, долженъ имѣть и тѣ же самыя послѣдствія. Причины волненій останутся тѣ же; самыя университеты не представляются у насъ, какъ это должно бы быть, одной общою корпораціей учащихся и учащихся, скрѣпленною общою научною и нравственными интересами; у насъ университетъ представляетъ двѣ корпораціи, изъ которыхъ только одна организована и стоитъ отдѣльно отъ другой; другая же — студенческая, неорганизованная, представляетъ собою скученную массу силъ, управляемую и сдерживаемую только извнѣ. При такомъ способѣ управленія, только строгая внѣшняя дисциплина можетъ удерживать порядокъ. Но всякій понимаетъ, что университетъ не казарма и не корпусъ, а студенчество — не солдатство... поэтому, и не представляется никакихъ другихъ мѣръ къ восстановленію порядка въ нашихъ университетахъ, какъ одна изъ двухъ слѣдующихъ: нужно или сдѣлать изъ университетовъ нашихъ нѣчто въ родѣ „Collège de France“, т. е. сдѣлать ученіе въ немъ свободнымъ, открытымъ для всѣхъ, безъ всякой корпораціи, съ общимъ гражданскимъ или полицейскимъ надзоромъ за порядкомъ, или же соединить, сколь можно крѣпче, учащихся и учащихся въ одну общую и хорошо организованную корпорацію; но въ такомъ случаѣ она должна быть вполнѣ самостоятельною и пользующеюся правами самоуправленія“.

Въ только что приведенныхъ словахъ, — плодъ глубокаго убѣжденія Николая Ивановича, онъ высказывалъ то, чего предвидѣть не могъ, что онъ самъ, вѣроятно, въ то время считалъ не мыслимымъ, и что, увы, черезъ пять лѣтъ, (1866 г.), сдѣлалось не только мыслимымъ, но и вышло, какъ Минерва изъ головы Юпитера, въ полномъ вооруженіи: съ классическими, выросшими, какъ по заказу, гимназіями съ восьми-лѣтнимъ курсомъ, и съ университетами, наполненными элитами!

V.

Не менѣе замѣчательны мысли и сужденія Пирогова, высказанныя имъ уже очень давно, именно въ періодъ времени его попечительства въ Одесскомъ и Кіевскомъ учебныхъ округахъ, еще и объ другомъ вопросѣ, занимающемъ нынѣ общественное мнѣніе и въ послѣднее время обострившемся въ Германіи. Это именно о такъ называемомъ „еврейскомъ вопросѣ“.

Долговременная профессорская дѣятельность, наконецъ, официальное положеніе его, въ качествѣ попечителя двухъ учебныхъ округовъ той южной окраины нашего отечества, гдѣ всего болѣе тѣснится еврейство, давали ему возможность, а въ послѣдствіи налагали нравственную обязанность, глубже вникнуть въ то исключительное положеніе, въ которое поставлены у насъ евреи.

Поэтому-то, бывъ попечителемъ учебныхъ округовъ именно въ этой полосѣ, Николай Ивановичъ считалъ, какъ онъ говоритъ, долгомъ обращать вниманіе правительства на очевидное зло и старался всѣми зависящими отъ него мѣрами смягчать суровыя ограниченія и происходящій отъ этихъ послѣднихъ вредъ: онъ помогалъ посему сколько могъ еврейской молодежи, облегчалъ безвыходное положеніе ея, и не разъ обращался въ министерство съ проектами о коренномъ преобразованіи еврейскихъ школъ и предлагалъ полное уничтоженіе ихъ замкнутости, чрезъ слитіе съ общеобразовательными учрежденіями. Въ послѣдствіи это предложеніе было, только отчасти, осуществлено.

Можно легко себѣ представить, сколько стоило труда и усилія просвѣщенному уму Пирогова, чтобы достигнуть въ эпоху, когда самъ министръ народнаго просвѣщенія (А. С. Норовъ) мѣрилъ сажеными разстояніе еврейскаго училища отъ православной церкви, нѣкоторыхъ смягченій въ пользу учащейся еврейской молодежи! Для характеристики свѣтлаго ума и высокихъ нравственныхъ качествъ души, обнаруживающихся именно въ вопросѣ не только чуждомъ, но даже въ нѣкоторой степени антипатичномъ для большинства нашихъ ученыхъ и неученыхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, слѣдуетъ сказать, что Николаю Ивановичу лишь съ неимовѣрными затрудненіями удалось исходатайствовать разрѣшеніе объ изданіи въ Одессѣ

перваго еврейскаго журнала на русскомъ языкѣ, чѣмъ онъ значительно увеличилъ кружокъ русскихъ образованныхъ евреевъ, въ то время, когда ихъ, такъ сказать, толкали сдѣлаться нѣмцами, распространяя въ еврейскихъ училищахъ нѣмецкіе переводы св. еврейскихъ книгъ, сдѣланные на казенный счетъ.

Такъ какъ въ то время, разумѣется, еще не было поднятъ въ Германіи антисемитскій вопросъ, то русскіе евреи и считали ее обѣтованною землею для своего образованія.

— „Наши юдофобы“, говоритъ Пироговъ, „теперь, конечно, весьма довольны дѣйствіями антисемитской лиги въ Германіи и, безъ сомнѣнія, воспользуются для своихъ цѣлей, если имѣющіе власть не поймутъ хорошенько огромнаго различія мотивовъ, заставляющихъ нѣмцевъ вооружаться противъ семитовъ, и тѣхъ, которые заставляютъ нашихъ юдофобовъ поддерживать нелѣпныя опасенія и предлагать еще болѣе нелѣпныя мѣры къ осуществленію своихъ цѣлей“.

VI.

Настала новая пора. Въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія вступилъ статсъ-секретарь Александръ Васильевичъ Головнинъ, мужъ ума вполне государственнаго. Значеніе Пирогова, какъ выдающагося общественнаго дѣятеля, не могло не вызвать со стороны новаго министра просвѣщенія сожалѣнія о томъ, что Николай Ивановичъ такъ скоро, и по не зависящимъ отъ него обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить попечительскую дѣятельность, обѣщавшую быть столь плодотворною, и вотъ А. В. Головнинъ вызвалъ знаменитаго ученаго и общественнаго дѣятеля изъ его невольнаго деревенскаго уединенія, куда имя Пирогова привлекало массы страждущихъ. Ему предложено было отправиться за границу и руководить вновь учрежденнымъ профессорскимъ институтомъ. Николай Ивановичъ принялъ это предложеніе, но съ условіемъ, пользоваться вліяніемъ на выборъ лицъ и на организацію всего учрежденія. Заграницей Николай Ивановичъ вошелъ въ сношеніе со многими профессорами, отъ которыхъ узнавалъ о занятіяхъ моло-

дыхъ ученыхъ, присланныхъ по выбору бѣльшею частью департаментомъ народнаго просвѣщенія и нѣкоторыхъ университетовъ, и дѣлалъ, что могъ, для сообщенія точныхъ свѣдѣній министерству о ходѣ дѣла ¹⁾).

Пироговъ, живя вдали отъ родины, не забывалъ ни на минуту пережитаго имъ, какъ врачъ и человекъ, въ достославную севастопольскую осаду. Это было въ 1863 г.; въ Германіи готовились къ Голштинской войнѣ и въ это-то время появилось его замѣчательное сочиненіе, напечатанное въ Лейпцигѣ: „Grundsätze der allgemeinen Kriegschirurgie“. Германія, а впоследствии Америка, вполне не только оцѣнили, но съумѣли воспользоваться указаніями и совѣтами, а также богатыми и глубокими знаніями автора этой классической книги.

Предложенная Пироговымъ въ севастопольскую войну система разсѣянія раненыхъ и энергическій протестъ его противъ зла, наносимаго раненымъ госпиталями, произвели на европейскую публику глубокое впечатлѣніе. Въ этой книгѣ уже излагался идеалъ общества „Краснаго Креста“ прежде, чѣмъ оно осуществилось на дѣлѣ: въ ней указывалась необходимость нейтралитета врачей воюющихъ сторонъ. Противугнилотное леченіе ранъ, въ то время еще мало занимавшее умы врачей, онъ описалъ такъ, какъ онъ его употреблялъ съ различнымъ успѣхомъ въ теченіе десяти-лѣтней госпитальной практики. Пироговъ, какъ извѣстно, первый ввелъ ирригацію ранъ, замѣнивъ губки чайниками съ водою и изгнавъ изъ палатъ всѣ цераты, мази и

¹⁾ Увѣдомляя, 23-го марта 1862 г., Н. И. Пирогова о командированіи его за границу, А. В. Головинъ писалъ къ нему:

— „Государь повелѣлъ командировать васъ на четыре года за границу для исполненія разныхъ трудовъ по учебной и педагогической части. Главное порученіе, которое возлагается на васъ, по волѣ Государя, состоитъ въ руководствѣ и направленіи тѣхъ молодыхъ ученыхъ, коихъ министерство народнаго просвѣщенія отпирать за границу для приготовленія къ профессорскому званію и коимъ предписано будетъ являться къ вамъ и дѣйствовать по вашимъ наставленіямъ. Для сего я просилъ бы васъ покорнѣйше: 1) указывать каждому изъ нихъ тѣхъ профессоровъ, слушаніе коихъ было бы для нихъ всего полезнѣе; 2) сблизать ихъ съ такими профессорами; 3) доставлять имъ средства пользоваться, по возможности, всѣми учебными пособіями; 4) личными совѣтами и руководствомъ оказывать помощь при ученыхъ трудахъ и 5) наблюдать, по возможности, за ходомъ ихъ занятій и сообщать о нихъ министерству, съ заключеніемъ о способностяхъ и познаніяхъ каждого“.

Молодыхъ людей, посланныхъ тогда за границу, было 30 отъ четырехъ учебныхъ округовъ.

липкіе пластыри, рекомендуя, вмѣсто послѣднихъ, употребленіе однихъ только противугниlostныхъ растворовъ; онъ также старался изгнать и корпю, но скудныя средства тогдашней госпитальной практики не позволяли ему разнообразить и усовершенствовать повязки и перевязки ранъ. Въ той же книгѣ онъ развилъ еще больше, основываясь на громадномъ опытѣ, многостороннія примѣненія его знаменитой гипсовой повязки къ леченію ранъ въ военно-полевой практикѣ.

Пироговъ былъ и въ началѣ 1850-хъ гг. и потомъ въ 1863 г. (въ его „Клиническихъ анналахъ“ и въ рассматриваемомъ сочиненіи) первымъ, возставшимъ противъ господствовавшей въ то время доктрины травматической піэміи; доктрина эта объясняла происхожденіе піэміи механическою теоріею засоренія сосудовъ кусками размягченныхъ тромбовъ; онъ же утверждалъ, основываясь на массѣ наблюденій, что піэмія — это бичъ госпитальной хирургіи, съ разными ея спутниками (острогнойнымъ отекомъ, злокачественною рожею, дифтеритомъ и т. п.) есть процессъ броженія, развивающійся изъ взошедшихъ въ кровь, или образовавшихся въ крови ферментовъ, и желалъ госпиталямъ своего Пастёра для тончайшаго изслѣдованія этихъ ферментовъ. Блестящіе успѣхи нынѣ повсемѣстно практикуемаго антисептическаго леченія ранъ и введеніе въ практику Листеровой повязки, подтвердили, какъ нельзя лучше, ученіе Пирогова.

Въ 1865 г. Пироговъ издалъ „Начала военно-полевой обшей хирургіи“ и для русскихъ врачей, напечатанной въ Дрезденѣ. Это не есть переводъ съ нѣмецкаго. Въ предисловіи къ этой книгѣ Николай Ивановичъ говоритъ слѣдующее:

— „Съ моей стороны было бы непростительно предлагать соотечественникамъ переводъ, сдѣланный мною, и моей же книги. Напротивъ, „Grundzüge der allgemeinen Kriegschirurgie“ есть переводъ съ русскаго. Матеріалы и всѣ данныя были составлены по-русски. И матеріалъ, и данныя для обѣихъ книгъ остались, разумѣется, тѣ же. И по-нѣмецки, и по-русски я сообщаю моимъ читателямъ результаты того, что видѣлъ во время моей Кавказской экспедиціи въ 1847 г., въ Крымскую войну въ 1854 и 1855 гг. и въ госпитальной практикѣ, продолжавшейся слишкомъ 25 лѣтъ. Но для русскихъ врачей я счелъ необходимымъ дать моей книгѣ видъ руководства, и для этого изложилъ гораздо подробнѣе результаты, добытые современною хирургіею другихъ странъ, въ послѣднія три войны“.

Долговременное молчаніе свое предъ русскими врачами и публикою, послѣ Крымской войны о собранномъ имъ научномъ матеріалѣ, и имъ лично, пережитомъ, онъ въ этомъ-же предисловіи объясняетъ тѣмъ, что и наша администрація, и наша медицина представляли много особенностей... Наши потери, какъ извѣстно, были громадны въ Крымскую войну; изъ достовѣрныхъ фактовъ извѣстно, наприм., что однихъ безъ вѣсти пропавшихъ изъ храбрыхъ рядовъ защитниковъ Севастополя насчитывалось до 80,000 человѣкъ, о которыхъ долгое время шла нескончаемая переписка, которая однако къ уясненію это громадной цифры убыли не послужила. Такъ какъ Пироговъ принадлежитъ, по собственнымъ его словамъ, къ ревностнымъ сторонникамъ раціональной статистики и вѣрить, что лишь она одна, въ приложеніи ея къ военной хирургіи, составляетъ несомнѣнный прогрессъ, то этимъ объясняется, почему Пироговъ задумывался надъ тѣми статистическими данными, на основаніи которыхъ ему приходилось дѣлать научные выводы. Будучи первокласснымъ европейскимъ хирургомъ, Н. И. не увлекался своимъ значеніемъ въ наукѣ, какъ всему міру извѣстный хирургъ. Онъ почти пророчески провозглашаетъ въ своей „Общей военно-полевой хирургіи“, „что будущее принадлежитъ медицинѣ предохранительной“. Что-же касается статистическихъ данныхъ въ медицинѣ, то по остроумному сравненію его, эти данныя можно сравнить съ кушаньями изъ языковъ, которыми угощалъ Эзопъ философа Ксанфа. „Они говорятъ и хорошее, и худое, смотря по тому, какъ и что заставляютъ ихъ говорить“. „О томъ, что мы не были приготовлены къ Крымской войнѣ—это уже теперь не государственная тайна“, говоритъ въ томъ же предисловіи Пироговъ. „Въ началѣ мы получали все необходимое изъ мѣстностей, ближайшихъ къ театру войны, но когда тутъ всѣ припасы были истощены, когда всѣ ближайшіе лазареты, присутственные мѣста, дома дворянскихъ собраній, училища и даже частные дома переполнились ранеными и больными, то сдѣлалось необходимымъ распространять кругъ дѣйствій все далѣе и далѣе отъ полуострова. Въ декабрѣ 1855 г. дошло до того, что нашихъ раненыхъ и больныхъ (число которыхъ сильно увеличилось отъ эпидемій) нужно было отправлять при 20⁰ Р. за 400 – 500 и даже 700 верстъ. Я нашелъ многихъ изъ нихъ, при моемъ осмотрѣ военныхъ лазаретовъ, въ зиму 1855 г., съ отмороженными въ транспортѣ ногами. Еще труднѣе была доставка фуража,

провіанта и перевязочныхъ средствъ. Нужно вспомнить, что Крымскій полуостровъ не могъ бы въ мирное время прокормить такого числа войскъ, которое собрано было въ немъ для защиты Севастополя; во время же войны существованіе ихъ зависѣло уже совершенно отъ отдаленныхъ провинцій и, слѣдовательно, отъ путей сообщенія. А каковы были тогда дороги, можно заключить изъ того, что я, проѣзжая въ ноябрѣ 1854 г., изъ Симферополя въ Севастополь на курьерскихъ, долженъ былъ употребить болѣе полутора дней. И такъ, не мудрено, что при такихъ путяхъ сообщенія, сѣно, напримѣръ, съѣдалось волами по дорогѣ, прежде чѣмъ оно могло быть доставлено арміи; тяжести оставались въ топкой новороссійской грязи вмѣстѣ съ фурами, скотъ падалъ, цѣны за доставку были неимовѣрныя. Я помню, что въ декабрѣ 1854 г. платили въ Севастополѣ за пудъ сѣна 4 руб. сер., а за доставку одного пуда тяжести отъ Симферополя до Севастополя (60 верстъ) 2¹/₂ руб. сер. Я никогда не забуду моего перваго вѣзда въ Севастополь. Это было въ позднюю осень въ ноябрѣ 1854 г. Вся дорога отъ Бахчисарая, на протяженіи 30 верстъ, была загромождена транспортами раненыхъ, орудій и фуража. Дождь лилъ какъ изъ ведра, больные, и между ними ампутированные, лежали по-двое и по-трое на подводѣ, стонали и дрожали отъ сырости; и люди, и животные едва двигались въ грязи по колѣно; падалъ валялась на каждомъ шагу; изъ глубокихъ лужъ торчали раздувшіеся животы павшихъ воловъ и лопались съ трескомъ; слышались въ то же время и вопли раненыхъ, и карканье хищныхъ птицъ, цѣлыми стаями слетѣвшихся на добычу, и крики измученныхъ погонщиковъ, и отдаленный гулъ севастопольскихъ пушекъ. Поневолѣ приходилось задуматься о предстоявшей судьбѣ нашихъ больныхъ; предчувствіе было не утѣшительно. Оно и сбылось. Хорошо, что прошлое забывается! Теперь, не безъ чувства гордости, вспоминаешь прожитое. Мы, взаправду, имѣемъ право гордиться, что стойко выдержали Крымскую войну: ее нельзя сравнивать ни съ какою другою. Не говоря о томъ, что она для насъ, давно уже отвыкшихъ отъ оборонительныхъ войнъ,—была чѣмъ-то неожиданнымъ, ея и администрація, и медицина представляли много особенностей. Это заставляло меня, отчасти, и молчать о результатахъ моей врачебной дѣятельности. Можно ли, думалъ я, сдѣлать изъ нихъ какое нибудь приложеніе въ будущемъ? Могутъ ли они быть полезны и другимъ собратамъ по наукѣ, когда условія, при ко-

торыхъ мы дѣйствовали, были совершенно другія, и едва ли въ другой разъ возможныя. Въ Голштиніи, въ Италиі велись послѣднія войны уже при всѣхъ современныхъ пособіяхъ европейской цивилизаціи, при желѣзныхъ дорогахъ, въ населенныхъ мѣстностяхъ. Чему же могли бы научиться европейскіе врачи изъ испытанныхъ нами бѣдъ и неудачъ? вѣдь такая продолжительная, и съ такими лишеніями соединенная осада, врядъ ли мыслима въ наше время въ западной Европѣ? Такъ я полагалъ. Но справившись на мѣстѣ, узнавъ кой-что изъ разговоровъ съ очевидцами, прочитавъ отчеты, я убѣдился, что и наши непріатели въ Крымской кампаніи, и врачи австрійскіе, итальянскіе, французскіе, дѣйствовавшіе въ послѣднюю войну въ Ломбардіи, несмотря на всѣ пособія цивилизаціи, также не пришли ни къ блестящимъ, ни къ болѣе надежнымъ результатамъ; непреложныхъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе раціональныхъ статистическихъ выводовъ также никакихъ еще ими не сдѣлано. Итакъ, я рѣшился возобновить въ памяти прошлыя впечатлѣнія, разобратъ скопленный, и уже было заброшенный, матеріаль, напомнить и Европѣ и русскимъ врачамъ, что мы въ Крымскую войну не были такъ отставши по наукѣ, какъ это можно бы было заключить изъ нашего молчанія“...

Правдивость только что изложеннаго, какъ нельзя болѣе подтвердилась еще недавно представленнымъ въ парижскую медицинскую академію мемуаромъ доктора Ле-Фора: „*La médecine militaire et la loi sur l'administration de l'armée*“.

Мемуаръ этотъ, заключающій въ себѣ требованіе автономіи для военныхъ врачей, имѣетъ быть представленъ на обсужденіе парламентской сессіи въ текущемъ 1881 году. Докторъ Ле-Форъ, основываясь на „Статистикѣ восточной арміи“ извѣстнаго д-ра Шеню, заключаетъ, что Крымская война достаточно убѣдила въ томъ, что непріятельскій огонь менѣе опасенъ для арміи, нежели болѣзнь; „русскими“, говоритъ онъ, „было убито 20,000 человѣкъ, а болѣзнями унесено 75,000; въ теченіи шести зимнихъ мѣсяцевъ, когда у насъ было не болѣе 300 раненыхъ, а у англичанъ 165, англійская армія потеряла 606 человѣкъ, а французская, благодаря нераспорядительности и упорству интендантскаго вѣдомства 21,190 человѣкъ, а между тѣмъ, союзная англо-французская армія была подъ Севастополемъ подвержена тѣмъ же невыгоднымъ атмосферическимъ вліяніямъ, тѣмъ же матеріальнымъ затрудненіямъ и тѣмъ же мѣстнымъ условіямъ, вызвавшимъ холеру и тифъ“.

Мы не можемъ, при этомъ случаѣ, не сдѣлать небольшого замѣчанія о томъ, что въ то время, какъ Пирогову, только благодаря особенному покровительству покойной Великой Княгини Елены Павловны, удалось получить назначеніе въ Крымъ, изъ трибунъ палаты депутатовъ, въ Парижѣ, общественное мнѣніе потребовало отъ военнаго министра отпращиванія извѣстнаго гигиениста Мишеля Леви на Востокъ, въ качествѣ инспектора санитарной службы, съ неограниченными полномочіями не только инспекціи, но и организаціи этой службы.

Во франко-германскую войну германская армія потеряла 28,526 человѣкъ отъ ранъ, 10,406 отъ различныхъ болѣзней и 4009 безъ вѣсти пропавшихъ. Потеря французовъ доходила до 150 т. человѣкъ, именно 30 т. умершихъ отъ ранъ и 120 т. вслѣдствіе болѣзней. Въ числѣ неурядицъ и беспорядковъ, которыми страдала санитарная часть французской арміи въ послѣднюю франко-германскую войну, Ле-Форъ приводитъ эпизодъ, напоминающій отчасти и наши порядки: послѣ кровопролитнаго боя при Фрэшвилерѣ, для помощи раненымъ былъ поспѣшно посланъ медицинскій персоналъ, но безъ инструментовъ и перевязочныхъ средствъ!..

Въ 1866 г. Пироговъ возвратился изъ заграницы въ Россію и получилъ отъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина приглашеніе посѣтить всѣ русскіе университеты и, преимущественно, медицинскіе факультеты и представить министерству результаты его осмотра. Скоро затѣмъ, однако, графъ Д. А. Толстой замѣнилъ статсъ-секретаря А. В. Головнина и, вслѣдъ затѣмъ, Н. И. Пироговъ уволенъ отъ исполненія даннаго ему порученія.

Съ тѣхъ поръ, съ 1866 г., Николай Ивановичъ оставилъ общественную дѣятельность и поселился у себя въ имѣніи, въ Подольской губерніи.

VII.

Ежели вынужденное удаленіе Пирогова, 15 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, съ арены общественной дѣятельности могло навести интеллигентныхъ людей на весьма невеселыя мысли, то тѣмъ болѣе фактъ, какъ отнеслось министерство народнаго просвѣщенія (гр. Толстаго) почти къ десятилѣтней дѣятельности Пирогова по вѣдомству просвѣщенія, представляется страннымъ. Николай Ивановичъ, по званію своему профессора, получалъ, до приглашенія его на службу министерствомъ народнаго просвѣщенія, 1800 руб. пенсіи. Когда, послѣ оставленія министерства А. В. Головиннымъ, Николай Ивановичъ отнесся къ гр. Толстому съ скромнымъ вопросомъ: считаетъ-ли онъ нужнымъ продолженіе даннаго ему порученія по университетскимъ дѣламъ? то, въ отвѣтъ гр. Д. А. Толстой распорядился увѣдомить Н. И. Пирогова, что по представленію его, гр. Толстаго, онъ увольняется и получаемое имъ, Пироговымъ, по его министерству содержаніе, прекращается. Между тѣмъ, Пироговъ получалъ отъ министерства народнаго просвѣщенія содержаніе по двумъ должностямъ, а именно: по означеннымъ занятіямъ по университетскимъ дѣламъ, и по должности члена учебнаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, членомъ котораго Николай Ивановичъ, номинально, считается и въ настоящее время; тѣмъ не менѣе, за десятилѣтнюю службу свою по означенному министерству, Пироговъ прибавки къ пенсіи своей не получилъ, несмотря на то, что прослужилъ десять лѣтъ, какъ упомянуто выше, и остался по сію пору при первоначальной пенсіи 1800 рублей, получаемой имъ по званію профессора императорской медико-хирургической академіи ¹⁾.

¹⁾ Вотъ нѣсколько данныхъ, на основаніи официальныхъ документовъ, о томъ, какъ три министра, послѣдовательно смѣнявшіе другъ друга, относились къ государственной и общественной службѣ Пирогова. 18 го марта 1861 г. Николай Ивановичъ уволенъ (во время министерства Е. И. Ковалевскаго) отъ должности попечителя Кіевскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ членомъ

VII.

Насталъ 1870 г.; двѣ сильныя враждующія державы, выставивъ на поле брани ужасающія по численности своей арміи, одинаково мужественныя и стойкія, приковали къ себѣ вниманіе всего міра. Въ германскомъ войскѣ, обеспеченномъ гораздо лучше съ санитарномъ отношеніи, нежели французское войско, чувствовался сильный недостатокъ во врачахъ. Лазареты, устроенныя въ прирейнской территоріи и южной Германіи, были уже въ на-

Главнаго Правленія училищъ и съ производствомъ ему жалованья по 2000 руб. въ годъ.—31-го мая 1862 г. министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ, командуя Н. И. Пирогова на высокій постъ наблюдателя и руководителя молодыхъ педагоговъ, испросилъ ему на подъемъ 2000 руб. и 3000 руб. жалованья въ добавокъ къ получаемому Н. И. 2000 р.—всего 5000 р. Въ сентябрѣ и ноябрѣ 1865 г. А. В. Головнинъ исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на назначеніе Н. И. Пирогову аренды, о чемъ министръ народнаго просвѣщенія и сдѣлалъ сношеніе съ министерствомъ государственныхъ имуществъ; вмѣстѣ съ симъ Александръ Васильевичъ испросилъ Высочайшее повелѣніе на предоставленіе Н. И. Пирогову совершить объѣздъ медицинскихъ факультетовъ всѣхъ русскихъ университетовъ—въ теченіе учебнаго 1866—1867 года. Но вотъ постъ министра народнаго просвѣщенія въ апрѣлѣ 1866 г. занимаетъ гр. Д. А. Толстой и министерство народнаго просвѣщенія отставляетъ себя отъ Н. И. Пирогова; иначе мы не можемъ выразиться, читая прискорбный для Россіи, но официальный документъ отъ 17-го іюня 1866 г., которымъ новый министръ заявлялъ Николаю Ивановичу, что онъ: „освобождаетъ его, Пирогова, отъ возложенныхъ на него порученій, какъ по исполненію разныхъ трудовъ по учебной и педагогической части, такъ и по руководству лицъ, отправленныхъ за границу для приготовленія въ званіе профессоровъ и преподавателей“. При этомъ съ 1-го іюля того же года и тою же бумагою отъ 17-го іюня 1866 г., Пироговъ лишенъ не только добавочныхъ 3000 руб., назначенныхъ ему за руководство молодыхъ педагоговъ, но и тѣхъ 2000 руб., которые сохраняли за нимъ двое предшествовавшихъ министра, сначала какъ члену Главнаго Правленія училищъ, а по упраздненіи этого правленія (4-го іюля 1863 г.) какъ чиновнику, состоящему при министрѣ. Что же касается до переписки, начатой министерствомъ А. В. Головнина о назначеніи аренды Н. И. Пирогову—то такая при гр. Д. А. Толстомъ разомъ пресѣклась. И такъ ни жалованья, ни пенсіи за службу на поприщѣ просвѣщенія, ни аренды Пироговъ не получаетъ. Все, что дало ему государство, это пенсію заслуженнаго профессора (1800 р.). И вопросъ именно не въ денежной сторонѣ всего этого дѣла, хотя и она не лишена своеобразнаго интереса, — но, нѣтъ, дѣло въ томъ, что четырнадцать лѣтъ — министерство народнаго просвѣщенія (1866—1880 гг.) отставляло себя отъ Н. И. Пирогова.

чалѣ войны переполнены ранеными. Въ ночь съ 3-го на 4-е августа перевезено черезъ Майнцъ 1500 раненыхъ; послѣ сраженія при Вертѣ около 3000 французскихъ раненыхъ оставались безъ помощи... У французовъ медики явились поздно и въ такомъ числѣ, что не приходилось и одного врача на 1000 человекъ.

Въ нашемъ „Обществѣ Краснаго Креста“, едва два года передъ тѣмъ возникшемъ, въ засѣданіи 17-го іюля, предсѣдательствующимъ генераль-адъютантомъ А. К. Баумгартеномъ, было заявлено, что независимо обязанности нашей принять участіе въ общей международной помощи, было бы весьма важно воспользоваться случаемъ для выясненія вопроса, предложеннаго главнымъ управленіемъ на Берлинской конференціи, о степени участія, которое могутъ принять на войнѣ, оказаніемъ своей помощи, частныя общества нейтральныхъ державъ. А потому, признавъ полезнымъ имѣть при Базельскомъ агентствѣ уполномоченнаго отъ русскаго общества, который могъ-бы обсудить все дѣло на мѣстѣ и представить главному управленію результаты своихъ наблюденій, предсѣдательствующій вошелъ въ предварительное сношеніе съ Н. И. Пироговымъ, прося его принять званіе уполномоченнаго нашего общества. Въ отвѣтъ на это приглашеніе Николай Ивановичъ, высказывая въ своемъ письмѣ взглядъ свой на дѣятельность международнаго комитета и выражая сомнѣніе въ возможности разрѣшить вопросъ объ установленіи организаціи прочной системы международной помощи во время войны, заявилъ, что несмотря ни на лѣта, ни на плохое здоровье, онъ быть можетъ, ознакомившись короче съ этимъ новымъ дѣломъ, рѣшился-бы принять въ немъ дѣятельное участіе, еслибы его занятія и экономическія условія позволили ему это сдѣлать на собственные средства, не вводя Общество, безъ увѣренности въ успѣхѣ, въ какія либо затраты. Главное управленіе Краснаго Креста не замедлило сообщить Пирогову о принятыхъ уже со стороны перваго мѣрахъ по оказаніи помощи раненымъ воюющихъ державъ, равно объяснивъ обстоятельно цѣль и условія, возлагаемыя на Николая Ивановича, вторично просило сообщить объ окончательномъ рѣшеніи относительно сдѣланнаго ему Обществомъ предложенія.

Въ сентябрѣ того-же года Николай Ивановичъ, прибывъ въ С. Петербургъ, принялъ 11-го сентября участіе въ засѣданіи главнаго управленія, причемъ предсѣдательствующій, отъ имени Общества, выразилъ ему глубокую признательность за участіе,

оказываемое имъ Обществу Краснаго Креста въ принятіи на себя обязанности осмотрѣть санитарную часть на театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ томъ-же засѣданіи, по поводу возбужденнаго вопроса объ образованіи личнаго состава, необходимаго Обществу въ военное время, Пироговъ замѣтилъ, что по его мнѣнію, одна изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ задачъ, которую Обществу предстоитъ разрѣшить, это устройство помѣщенія для раненыхъ и больныхъ въ военное время: такъ какъ способы помѣщеній, введенные для сего на Западѣ, не примѣнимы у насъ. Онъ рекомендовалъ посему Обществу заняться устройствомъ возможно большаго числа амбулаторныхъ подвижныхъ госпиталей и совѣтывалъ ему взять на себя инициативу вопроса о госпитальныхъ баракахъ, причѣмъ упомянулъ, что до Крымской кампаніи устройство госпитальныхъ бараконъ не было извѣстно ни во французской, ни въ англійской арміяхъ, которыя построили ихъ у себя по примѣру уже бывшихъ подъ Севастополемъ русскихъ бараконъ, и что система бараконъ введена была, уже впоследствии, въ обширномъ размѣрѣ въ американской междуусобной войнѣ.

13-го сентября 1870 года Н. И. Пироговъ, въ сопровожденіи пишущаго эти строки, выѣхалъ за границу для исполненія порученія Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ; передъ отъѣздомъ, Ея Величеству въ Бозѣ почившей Августѣйшей покровительницѣ Общества, Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ благоугодно было выразить Николаю Ивановичу желаніе узнать подробности о вліяніи, оказываемомъ частною помощью въ Германіи на военно-санитарныя учрежденія, и о примѣненіяхъ, которыя можно бы извлечь для Россіи. Въ Берлинѣ Николаю Ивановичу выпалъ особенно любезный пріемъ со стороны Е. К. В. Королевы Прусской; онъ былъ приглашенъ во дворецъ къ обѣденному столу. Всѣ подлежащія власти, начиная отъ начальника Ордена Іоаннитовъ, герцога Уеста, до начальниковъ желѣзнодорожныхъ станцій, включительно, выказывали нашему путешественнику почетъ и всевозможное вниманіе и облегчали небезопасное и нелегкое въ то время путешествіе. Приходилось порой довольствоваться и вагономъ 3-го класса, а иногда, и одноконной крестьянской подводой. Пребываніе въ Лотарингіи и Эльзасѣ, вскорѣ послѣ сдачи Страсбурга, не отличалось также удобствами. Николаю Ивановичу приходилось спать втроемъ и четверомъ въ одной небольшой комнатѣ, отчасти на полу, отчасти на импровизиро-

ванной кровати; онъ однако легко мирился съ этими неудобствами, въ особенности, когда сравнивалъ ихъ съ знакомыми ему кавказскими и севастопольскими. Въ теченіи пяти недѣль, онъ успѣлъ осмотрѣть до 70 военныхъ лазаретовъ, расположенныхъ: въ Саарбрюкенѣ, Ремильи, Понтъ-а-Муссонѣ, Корнѣ, Горзѣ, Нанси, Страсбургѣ, Карлсруэ, Швецингенѣ, Мангеймѣ, Гейдельбергѣ, Штутгартѣ, Дармштадтѣ и Лейпцигѣ, переполненныхъ въ то время ранеными и больными.

Во время этой поѣздки, Николай Ивановичъ былъ чрезвычайно счастливъ пріемомъ, встрѣченнымъ имъ со стороны заграничныхъ врачей. Всѣ они, и старые знакомые, и молодые врачи въ Германіи и во Франціи, и прибывшіе отъ имени международной помощи на театръ войны, англійскіе и американскіе врачи, не только, съ полною готовностью, показывали Николаю Ивановичу все, заслуживающее вниманія и имѣющее научный интересъ, но на-перерывъ старались обратить на себя его вниманіе. Имя Пирогова какъ бы наэлектризовывало врачей. Весьма интересно было свиданіе Николая Ивановича съ профессоромъ Лангенбекомъ въ Горзѣ, вскорѣ послѣ битвы 4 и 6 августа стараго стиля 1870 г. Въ Страсбургѣ хирургъ Герголь (эльзассецъ), видя Пирогова по лазарету, и указывая на пробитую бомбами крышу, потолокъ и полъ перевязочной залы, сѣтовалъ на варварство осаждавшихъ, не останавливавшихся передъ краснымъ крестомъ флага, выставленнаго на лазаретѣ; на это Пироговъ улыбаясь ему замѣтилъ, что французскія бомбы въ Севастополѣ также не разбирали нашихъ флаговъ на перевязочныхъ пунктахъ... Осмотръ всего того, что входило въ программу задачи Николая Ивановича, послужилъ къ рѣшенію имъ слѣдующихъ пяти капитальныхъ вопросовъ:

I. Въ какой мѣрѣ осуществляется на дѣлѣ примѣненіе началъ международной филантропіи, выраженіемъ которыхъ служатъ „Общество Краснаго Креста“?

II. Каковы были отношенія частной международной помощи къ военной администраціи и какое вліяніе оказывала частная помощь на участь больныхъ и раненыхъ въ продолженіи войны?

III. Насколько, при нынѣшнихъ способахъ веденія войны, улучшилась участь раненыхъ на самомъ полѣ сраженія, тотчасъ послѣ битвы?

IV. Какіе успѣхи оказало во франко-германскую войну, такъ называемое, сберегательное и выжидательное леченіе вооб-

ще и въ особенности поврежденій, требовавшихъ, по прежнимъ понятіямъ, безотлагательнаго отнятія поврежденнаго члена, и

V. Какое примѣненіе изъ войны 1870 г. можетъ сдѣлать для себя наша русская военная медицина и частная помощь раненымъ и больнымъ?

На всѣ эти вопросы, предложенные имъ себѣ самому, Николай Ивановичъ, съ свойственнымъ ему глубокимъ пониманіемъ военно-санитарныхъ требованій, далъ отвѣтъ въ „Отчетѣ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотаринсіи и Эльзассѣ въ 1870 г.“, появившемся въ печати въ С.-Петербургѣ въ слѣдующемъ 1871 г. Интересующіеся этимъ отчетомъ найдутъ въ немъ много поучительнаго. Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться въ настоящемъ, сжатомъ очеркѣ, на всѣхъ замѣчательныхъ выводахъ Пирогова, но отмѣтимъ только нѣкоторыя его указанія, имѣющія громадное общественное и научное значеніе.

„Администрація“, говоритъ Пироговъ, „обыкновенно полагаетъ, что объявлять заблаговременно о своихъ нуждахъ обществу, значило бы неумѣстно обнаруживать свои слабыя стороны; но приходится, однако, убѣдиться, что въ общественныхъ катастрофахъ неминуемо должно прибѣгать къ частной помощи, выдѣляя ей значительную долю самостоятельности. Но покуда это случится“, говоритъ Пироговъ, „международная филантропія могла бы достигнуть, по крайней мѣрѣ, того, чтобы чисто научныя отношенія между двумя враждебными лагерями были поставлены на нейтральную почву“. Во время войны сношенія между врачами приносили бы громадную пользу наукѣ и человечеству. Еще за годъ до открытія Женевскаго международнаго комитета, онъ предлагалъ для разработки военно-полевой медицинской статистики сдѣлать медицину, во время войны, нейтральною. „Военные врачи воюющихъ державъ“, писалъ онъ, „должны быть членами одного общаго врачебно-статистическаго комитета. Воюющія стороны могутъ согласиться и въ томъ, чтобы доставлять врачамъ всѣ средства, служащія къ разъясненію научныхъ вопросовъ, интересующихъ все человечество, и устранять, по возможности, препятствія взаимнымъ совѣщаніемъ и корреспонденціями врачей, а врачи обѣихъ сторонъ, въ свою очередь, должны быть обязаны честнымъ словомъ и присягою не злоупотреблять данною имъ свободою дѣйствій“ (см. Нач. общ. пол. хирург.). Далѣе авторъ указываетъ, что въ военное

время, при нынѣшней организаціи военныхъ вѣдомствъ, трудно достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ. Что касается частной помощи, то дѣятельность ея должна быть сама по себѣ, сколько можно, независима, такъ какъ излишняя зависимость можетъ убить частную помощь на первыхъ же порахъ и „если“, замѣчаетъ Пироговъ, „она во франко-германскую войну оказала огромное вліяніе на участь больныхъ и раненыхъ, построила превосходные временные лазареты, ввела правила гигиены, со всѣми новѣйшими усовершенствованіями въ очищеніи воздуха отъ міазмъ, окружила больного всѣми возможными удобствами и повліяла не только на его матеріальное благосостояніе, но и на самый нравственный бытъ лазарета, то это все сдѣлалось именно потому, что частная помощь въ Германіи была достаточно самостоятельна и самостоятельна не по волѣ администраціи, а по неволѣ“. Обращаясь, затѣмъ, къ военно-полевой медицинѣ, Пироговъ указываетъ на существовавшіе въ Германіи, въ этомъ отношеніи, громадныя недостатки, касавшіеся положенія раненыхъ на полѣ сраженія послѣ битвы. „Какъ ни превосходно была организована прусская военная администрація, какъ она ни была дальновидна, сколько ни приготавливалась къ войнѣ, снабдивъ армію 2700 и болѣе врачами и лазаретными принадлежностями на 50,000 кроватей, но послѣ первой же битвы оказалось, что не было врачей именно тамъ, гдѣ они были всего нужнѣе“. Далѣе указывается на значительно измѣнившійся взглядъ современной хирургіи на жизненную необходимость ранней ампутаціи. Блестящіе результаты, которые дала франко-германская война, вполне совпали съ глубокими убѣжденіями Н. И., выработавшимися у него въ Крымскую войну. Какъ на самую слабую сторону военно-врачебныхъ учрежденій, Пироговъ указываетъ на вопіющій недостатокъ санитарныхъ командъ; затѣмъ, онъ порицаетъ прусскій милитаризмъ, распространяющійся на врачей. „Прусскій врачъ, прежде всего, солдатъ“, сказалъ одинъ изъ корифеевъ прусской военной медицины, онъ причисляется къ сражающимся, получаетъ на равнѣ съ военными чинами военные ордена (съ тонкимъ, впрочемъ, различіемъ размѣщенія цвѣтовъ орденской ленточки), и идетъ вмѣстѣ съ ними въ огонь; а такъ какъ это ведетъ къ значительнымъ потерямъ во врачахъ, дошедшимъ во время путешествія Пирогова уже до ста человѣкъ, то потому-то раненые и нуждались въ первой помощи послѣ сраженія.

Въ этомъ же отчетѣ Николай Ивановичъ установилъ и подтвердилъ для него въ высшей степени пріятный фактъ, что во франко-германскую войну уже появились временные лазареты, организованные по другой системѣ, происхожденіе которой „мы, русскіе“, говоритъ Пироговъ, „имѣемъ право приписывать себѣ“. 17 лѣтъ передъ тѣмъ, Н. И. объявилъ себя непримиримымъ врагомъ громаднѣхъ и подобнѣхъ дворцамъ госпитальныхъ зданій и представилъ множество фактовъ изъ его практики въ пользу госпитальныхъ барачковъ, лачугъ, крестьянскихъ избъ и другихъ незатѣйливыхъ помѣщеній. Роскошная обстановка госпиталей давно уже перестала обольщать его.

„Я убѣдился“, говоритъ Пироговъ, „что чѣмъ громаднѣе и великолѣпнѣе госпиталь, тѣмъ менѣе возможно слѣдить за его внутреннимъ, скрытымъ и не сразу обнаруживающимся состояніемъ“. Это-то состояніе Пироговъ назвалъ „госпитальною конституціею“, понимая подъ этимъ именемъ особенность каждаго госпиталя, зависящую отъ различныхъ условій его устройства, и указалъ, какъ сильно вліяетъ она на ходъ хирургическихъ болѣзней и ихъ леченіе.

Посѣщая германскіе лазареты, ему было не менѣе пріятно убѣдиться въ новомъ взглядѣ врачей на леченіе раненыхъ.

„Нельзя“, говоритъ онъ, „будучи другомъ людей, не желать знать, успѣшнѣе ли прежняго лечатся раненые, и болѣе или менѣе прежняго остается послѣ войны безногихъ и безрукихъ? Возставая противъ антифлогоза (т. е. кровопусканія и піявиць), Н. И. послѣ Крымской войны, писалъ: „конечный результатъ моей прежней вѣры въ антифлогозъ и ледъ былъ у меня тотъ, что я, въ послѣдніе восемь лѣтъ моей госпитальной практики, почти забылъ употребленіе того и другаго. Кризисъ въ моихъ убѣжденіяхъ сдѣлался во время моей кавказской экспедиціи (1847 г.)“. Ему было посему пріятно убѣдиться, что прежней вѣры въ эту антифлогистическую доктрину уже нигдѣ нѣтъ. Вездѣ спокойный, выжидательный способъ замѣнилъ прежнее энергически-дѣятельное леченіе огнестрѣльныхъ поврежденій. Независимо отъ многихъ другихъ нововведеній при леченіи огнестрѣльныхъ ранъ, Н. И. съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на сберегательномъ леченіи поврежденій костей и суставовъ. Все видѣнное имъ, въ этомъ отношеніи, въ германскихъ и французскихъ госпиталяхъ, было какъ-бы подтвержденіемъ его научныхъ воззрѣній, высказанныхъ имъ въ разное время о

сберегательномъ леченіи. Уже въ 1848 г. Пироговъ какъ-бы сдѣлалъ робкій намекъ, а послѣ Крымской войны, онъ смѣло уже говорилъ, что „пора согласиться всѣмъ военнымъ хирургамъ и испробовать сберегательный способъ при пулевыхъ переломахъ бедра въ большихъ размѣрахъ“, имѣя передъ глазами 90 или 95% смертности, данныхъ раннею (первичною) ампутаціею бедра и у насъ, и у французовъ въ Крыму. И вотъ, во франко-германскую войну, къ его неопisanному удовольствію, онъ нашелъ болѣе 70 случаевъ пулевыхъ переломовъ, и преимущественно верхней и средней трети бедра, совершенно или почти совершенно, излеченными. Въ особенности радовало его счастливое излеченіе многихъ пулевыхъ ранъ колѣна.

Переходя къ вопросу о примѣненіи видѣннаго имъ въ войну 1870 г. къ нашей русской военной медицинѣ и нашей частной помощи, Пироговъ даетъ слѣдующіе благіе совѣты:

1) Заняться самымъ серьезнымъ образомъ участію раненыхъ, остающихся на полѣ сраженія и принять, во что бы то ни стало, всѣ мѣры для скорѣйшаго удаленія раненыхъ изъ подъ убійственнаго огня съ поля битвы.

2) Избѣгать всякаго скопленія раненыхъ на ближайшихъ отъ поля сраженія и небезопасныхъ отъ огня перевязочныхъ пунктахъ, на что требуется реформа отношеній полевой медицины къ военному начальству. Говоря о томъ, что въ дѣйствующей арміи собираются военные совѣты, онъ указываетъ, что ни въ одной изъ нихъ не существуетъ врачебно-административныхъ совѣтовъ.

3) Какъ самое главное, устраивать амбулансы и перевязочные пункты, на которыхъ раненые могли бы быть сортированы. Сортированіе раненыхъ, діагнозъ и порядокъ—вотъ что требуетъ Пироговъ въ амбулансахъ.

4) Запастись во-время частною помощью, которой Пироговъ ставитъ въ условіе: „личную пропаганду о значеніи цѣли Общества Краснаго Креста“.

5) Образованіе частной санитарной прислуги, учрежденіе школъ для обученія санитарнаго персонала, устройство временныхъ дешевыхъ лазаретовъ и устройство вагонныхъ лазаретовъ. „Общество“ говоритъ Пироговъ, „пріучилось бы, такимъ образомъ, въ мирное время организовывать лазареты, управлять ими, а при открывшейся войнѣ, могло бы отправлять ихъ, вполнѣ уже организованными, на театръ войны“.

Общество Краснаго Креста, въ знакъ глубокой признательности за труды на пользу общества, въ годичномъ собраніи, 5-го декабря 1870 г., единогласно опредѣлило: предложить Н. И. Пирогову званіе почетнаго своего члена.

IX.

Выражая свою признательность Николаю Ивановичу, наше „Общество Краснаго Креста“ едва-ли, въ то время, могло предвидѣть, что ему снова придется обратиться къ нашему маститому ученому за совѣтами и указаніями, и вызвать его изъ тиши деревенской жизни на арену военно-санитарной и общественной дѣятельности. Къ сожалѣнію, обращеніе съ подобнымъ предложеніемъ къ Николаю Ивановичу, по волѣ опочившей августѣйшей покровительницы общества, съ просьбою осмотрѣть всѣ санитарныя учрежденія на театрѣ нашей послѣдней восточной войны и въ тылу дѣйствующей арміи, а равно средства транспорта больныхъ и раненыхъ по грунтовымъ и желѣзнымъ дорогамъ,—послѣдовало, по нашему крайнему убѣжденію, нѣсколько поздно. Указанія и совѣты Николая Ивановича были бы драгоцѣнны въ то время, когда наше „Общество Краснаго Креста“ только что приступало къ проектированію организаціи дѣятельности своей на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Обращаясь къ прошедшему, и прочитывая появившіеся уже послѣ окончанія войны волюминозные отчеты нашихъ главноуполномоченныхъ Общества Краснаго Креста, нельзя не вынести глубокаго убѣжденія, что въ нихъ, быть можетъ, выражалось бы меньше безплодныхъ сожалѣній о различнаго рода предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ затрудненіяхъ, съ которыми имъ приходилось впослѣдствіи такъ безуспѣшно бороться, ежели бы главному управленію Общества Краснаго Креста пришло бы на мысль предоставить организацію народной помощи на театрѣ военныхъ дѣйствій нашему многоопытному и стяжавшему себѣ всемірную извѣстность Н. И. Пирогову.

Николай Ивановичъ лишь 22-го сентября 1877 г. выѣхалъ

въ Румынію и менѣе чѣмъ черезъ восемь мѣсяцевъ, явились въ печати два тома (слишкомъ 50 печатныхъ листовъ) его, въ высшей степени, замѣчательной книги: „Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи 1877—1878 г.“.

Объ этомъ замѣчательномъ трудѣ не появлялось, къ сожалѣнію, въ нашей повременной медицинской прессѣ никакой оцѣнки, а между тѣмъ, основныя начала полевой хирургіи Николая Ивановича представляютъ драгоцѣнный вкладъ, не только въ нашу бѣдную медицинскую литературу, но и вообще въ науку. Книга эта вскорѣ появится на нѣмецкомъ языкѣ и мы надѣемся, что новыя, вполне заслуженныя, лавры вылетутся европейскими нашими собратами въ вѣнецъ, украшающій голову нашего патріарха хирургіи.

— „Прошло слишкомъ 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ“, говоритъ Пироговъ, „когда я въ первый разъ ознакомился съ полевой хирургіею на небольшомъ театрѣ войны, и почти 25 лѣтъ съ того времени, когда я дѣйствовалъ на обширномъ поприщѣ полевой хирургіи. Оба раза я руководствовался не столько великими трудами свѣтила науки, сколько собственнымъ наблюдениемъ и опытомъ, пріобрѣтеннымъ мною въ госпитальной, военной и гражданской практикѣ. Основы моей полевой хирургической дѣятельности я сообщилъ только спустя 10 лѣтъ послѣ достопамятной Крымской кампаніи. Съ тѣхъ поръ шесть войнъ нарушали миръ различныхъ государствъ въ Европѣ и въ Америкѣ. Слѣдя за ходомъ событій, я всякій разъ мысленно убѣждался въ истинѣ тѣхъ началъ, которыя исповѣдую, а въ предпоследней изъ этихъ шести войнъ—франко-германской, я при посѣщеніи моемъ госпиталей въ Германіи и на театрѣ войны въ Эльзасѣ и Лотарингіи, наглядно убѣдился въ томъ же самомъ. Наконецъ, въ минувшую нашу восточную войну 1877—78 г., болѣе чѣмъ всѣ другія сходною съ крымскою 1854 г., я имѣлъ случай еще болѣе глубоко увѣриться въ прочности основныхъ началъ моей полевой хирургіи“.

Приводя эти замѣчательныя слова Николая Ивановича, которыми онъ дѣлаетъ вступленіе во 2-ую часть только что названнаго нами труда, мы глубоко убѣждены, что вѣрная оцѣнка замѣчательныхъ научныхъ заслугъ Пирогова принадлежитъ лишь будущему....

X.

Не признавая за собою лично надлежащей компетентности для вѣрной оцѣнки началъ, руководившихъ Н. И. Пирогова въ двухъ областяхъ его занятій, обязанностей и обширной дѣятельности, мы позволяемъ себѣ, лишь вкратцѣ, резюмировать, основываясь на фактическихъ данныхъ, все нами вышеизложенное.

Въ медицинѣ Пироговъ, какъ врачъ и наставникъ, съ перваго вступленія его на учебно-практическое поприще, поставилъ въ основаніе анатомію и фізіологію въ то время, когда это направление, теперь уже общее, было еще ново, не всѣми признано и даже многими знаменитыми авторитетами (какъ, напримеръ, въ то время, въ Германіи Рустомъ, Греффе-отцомъ и Диффенбахомъ), вовсе и даже для хирургіи отвергаемо. Первый авторскій трудъ Николая Ивановича, его докторская диссертация, была основана единственно на анатомическихъ изслѣдованіяхъ и вивисекціяхъ надъ животными. По новости метода изслѣдованія, она не осталась незамѣченной и была переведена на нѣмецкій языкъ въ знаменитомъ тогда хирургическомъ журналѣ Греффе и Вальтера. Анатомо-хирургическіе труды его, изданные на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, въ то время, когда въ Германіи только одинъ Лангенбекъ старшій былъ анатомомъ и хирургомъ вмѣстѣ, не могли не обратить на себя вниманія; его работы показали, въ первый разъ, съ точностью и наглядно отношенія фасціи къ артеріальнымъ стволамъ и указали на способы, наиболѣе удобные и точные къ производству операціи надъ артеріальными стволами. Разрѣзы замороженныхъ, въ различныхъ положеніяхъ, членовъ и полостей, вмѣстѣ съ анатомическою скульптурою, дали способъ опредѣлять съ точностью, невозможное при обыкновенномъ способѣ изслѣдованія, нормальное и патологическое положеніе и взаимное отношеніе различныхъ органовъ и суставовъ. Его анатомо-фізіологическія изслѣдованія перерѣзанныхъ подъ кожей сухожилій, произведенныя надъ животными, едва-ли не въ первый разъ послѣ забытыхъ предположеній Гунтера, показали важное значеніе кровяного тромба и его способность къ организаціи и къ возстановленію нарушенной цѣлости тканей.

Въ „Анналахъ хирургической клиники“ Пироговъ объявилъ во всеуслышаніе, что главное достоинство клиническаго учителя состоитъ въ откровенности и чистосердечіи, требующихъ отъ него признанія сдѣланныхъ имъ ошибокъ и промаховъ предъ своими учениками и показалъ въ-первыя въ этихъ „клиническихъ анналахъ“ замѣчательный примѣръ откровенности во всѣхъ сдѣланныхъ имъ ошибкахъ. Въ статьѣ „О счастіи хирургіи“, онъ подтвердилъ, многочисленными примѣрами изъ практики, на чемъ должно основывать это счастіе и въ чемъ искать его; какъ выражается самъ Н. И., онъ только что названнымъ разсужденіемъ своимъ „вложилъ перстъ въ раны многихъ клиническихъ учителей“. Въ новыхъ его „Клиническихъ анналахъ“, появившихся въ свѣтъ черезъ 14 лѣтъ послѣ первыхъ, онъ изобразилъ мастерски всю жестокость той борьбы, которую ведетъ хирургія въ госпиталяхъ съ заразами и міазмами и указалъ въ первый разъ на существованіе госпитальной конституціи, особенной и своеобразной почти для каждаго госпиталя. Анэстезированіе на полѣ битвы было имъ въ первый разъ испытано тогда именно, когда многіе врачи колебались употреблять этотъ способъ въ Голштинской первой и во второй войнахъ, между тѣмъ какъ Николай Ивановичъ, почти безъ исключенія и въ огромныхъ размѣрахъ, анэстезировалъ нашихъ раненыхъ при осадѣ Севастополя. Неподвижная повязка, неизвѣстная, или совсѣмъ забытая германскими, французскими и англійскими хирургами, въ 1849—1855 гг. введена была имъ, въ видѣ его гипсовой повязки, въ первый разъ въ военно-полевую практику, и въ 1870 г. была уже почти во всеобщемъ употребленіи въ германскихъ военныхъ госпиталяхъ, хотя далеко не въ томъ разнообразномъ примѣненіи, которое она получаетъ въ искусныхъ рукахъ Пирогова. Его взглядъ, основанный на горькомъ опытѣ, о госпитальныхъ заразахъ, изолированіи, госпитальномъ карантинѣ и необходимости разсѣянія тяжело раненыхъ, высказанъ имъ уже 30 лѣтъ тому назадъ и, имъ же энергически подтвержденный за 16 лѣтъ, раздѣляется теперь почти всѣми. Этотъ взглядъ, по мнѣнію Пирогова, еще болѣе утверждень, чѣмъ ослабленъ, введеніемъ въ хирургическую практику Листеровой повязки. Неподвижность поврежденной части и самой раны, антисептическія средства при леченіи послѣдней, тщательная забота о свободномъ стокаѣ ферментовъ, ее заражающихъ, и методическое давленіе, съ возбужденіемъ мѣстной испарины въ поврежденной части,—суть глав-

ныя основы, по его мнѣнію, благотворнаго дѣйствія Листеровой повязки. И ежели Н. И. не достигалъ такихъ блестящихъ результатовъ, каковыя достигаются нынѣ при повсемѣстномъ употребленіи Листеровой повязки,—то причиною тому было несовершенство техники и недостатокъ приспособленій удобнаго матеріала.

Открытое леченіе ранъ было также не новостью для Пирогова,—уже давно (изъ опытовъ его надъ животными), испытаннаго этотъ способъ при большихъ пластическихъ операціяхъ и при рѣзекціи суставовъ и костей, а также при метотоміяхъ и ущемленныхъ грыжахъ. Его остеопластическая операція, введенная теперь почти повсемѣстно въ хирургическую практику, сначала была предметомъ недоумѣнія и недоразумѣнія между иностранными и соотечественными врачами, пока зрѣлый опытъ и безпристрастное наблюденіе не разсѣяли, наконецъ, всѣхъ сомнѣній и ложныхъ слуховъ. Точно также было и съ предложенною Николаемъ Ивановичемъ системою разсѣянія раневыхъ, подавшей поводъ къ ложному ея примѣненію въ нашей недавней восточной войнѣ. Надобно надѣяться, что впослѣдствіи лучше понятая, она примется и въ нашемъ отечествѣ съ тѣмъ-же успѣхомъ, которымъ она пользовалась во франко-прусскую войну въ Германіи.

Что касается до педагогической дѣятельности Н. И. Пирогова, то онъ, какъ извѣстно, преимущественно заботился о соглашеніи школы съ жизнію, о свободѣ научнаго разслѣдованія, о возбужденіи въ учащихъ и учащихся уваженія къ человѣческому достоинству и истинѣ. Въ его замѣчательныхъ „Вопросахъ жизни“, въ статьяхъ: „Чего мы желаемъ?“, въ „циркулярахъ его по Кіевскому учебному округу“ и въ „Университетскомъ вопросѣ“, опубликованныхъ въ теченіи его дѣятельности въ званіи попечителя, Николай Ивановичъ излагалъ свой взглядъ на образъ дѣйствій и средства къ достиженію предположенной имъ цѣли. Близко стоявшіе къ нему педагоги и бывшіе ученики его, по всей вѣроятности, и теперь не откажутся засвидѣтельствовать о послѣдовательномъ проведеніи тѣхъ началъ, за которыя Николай Ивановичъ такъ энергически стоялъ.

Воскресныя школы въ Россіи въ первый разъ введены имъ въ Кіевѣ; имъ-же введенъ судъ чести въ высшихъ классахъ гимназій, подъ предсѣдательствомъ директоровъ и наставниковъ.

Къ сожалѣнію, регламентъ Николая Ивановича о наказаніяхъ былъ предметомъ клеветы, ложныхъ слуховъ и кривыхъ толковъ. Всѣ эти нововведенія не пережили Николая Ивановича.

Народныя школы нынѣ быстро распространяются; между тѣмъ въ то время, были закрыты именно потому, что дана была вѣра нелѣпой и, не существовавшей на дѣлѣ, политической пропагандѣ. Судъ чести былъ оклеветанъ предъ высшимъ правительствомъ, какъ какой-то варварскій самосудъ, тогда какъ онъ именно уничтожилъ существовавшій въ краѣ самосудъ между учениками высшихъ классовъ и служилъ къ развитію истинныхъ понятій о достоинствѣ и чести между учащимися. Регламентъ наказаній, столь ошибочно осмѣянный въ нѣкоторыхъ русскихъ журналахъ, въ одинъ годъ понизилъ огромную цифру тѣлесныхъ и другихъ тяжкихъ наказаній на 90⁰/₀, прекративъ произволъ директоровъ и инспекторовъ.

Какъ врачъ Николай Ивановичъ обращалъ главное вниманіе наставниковъ, во время своего попечительства, на различную индивидуальность учениковъ; онъ настаивалъ преимущественно на томъ, чтобы наставники слѣдили за индивидуальнымъ внутреннимъ бытомъ учениковъ, ихъ склонностями и ихъ пороками, изъ которыхъ такіе, какъ онанизмъ, были распространены во всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ училищахъ, на что Николай Ивановичъ обращалъ также вниманіе и высшаго духовенства. Будучи глубоко убѣжденнымъ, что уваженіе и любовь къ святому, высокому и прекрасному, не могутъ иначе быть развиты въ душѣ ребенка, какъ наблюденіемъ за развитіемъ его индивидуальнаго быта, воспримчивостью и за склонностію къ притворству, такъ легко усвоиваемыхъ дѣтьми, при одномъ лишь внѣшнемъ надзорѣ за школьнымъ порядкомъ и дисциплиною, — Николай Ивановичъ требовалъ отъ наставниковъ, чтобы они слѣдили не столько за соблюденіемъ внѣшняго формализма, сколько пріучали-бы дѣтей къ откровенности, устраняя все, что пріучаетъ ихъ къ притворству. Наконецъ, въ его статьѣ: „Быть и казаться“ онъ указывалъ и родителямъ на вредныя вліянія дѣтскихъ театровъ, баловъ и т. п., развивающихъ въ дѣтяхъ поддѣльность, тщеславіе и мишурность...

Во взглядѣ на воспитаніе, Пироговъ возлагалъ главную надежду не на надзирателей и воспитателей *ex officio*, а на самихъ наставниковъ, — т.-е. на знаніе и науку. Николай Ивановичъ, не безъ основанія, полагалъ, что наука въ рукахъ дѣль-

наго учителя, есть единственное мощное средство въ школѣ и къ нравственному образованію. Онъ не отдавалъ, въ этомъ отношеніи, преимущества ни классицизму, ни реализму; для Николая Ивановича оба направленія были одинаково пригодны для достиженія поставленной имъ цѣли, лишь бы ни то, ни другое не вводилось въ школы съ заднею мыслью. По мнѣнію Пирогова, всякій родъ знаній, классическихъ и реальныхъ, можетъ быть и вреденъ и полезенъ, смотря по употребленію и примѣненію къ жизни, которое изъ него дѣлаютъ впоследствии; говорили, что классицизмъ, будто бы, возбудилъ первую французскую революцію; теперь утверждаютъ, что естественныя науки развили нигилизмъ.

— „Между тѣмъ“, говоритъ Пироговъ, „наука и знанія, въ отношеніи ко вреду и пользѣ безразличны; различны только условія жизни, склоняющія людей, съ тѣми или другими знаніями, въ ту или другую сторону“...

Вотъ въ главныхъ чертахъ обзоръ замѣчательной, пятидесяти-лѣтней дѣятельности нашего маститаго ученаго. Немногіе изъ самыхъ выдающихся дѣятелей нашихъ, прошлаго и настоящаго времени, могутъ сравниться съ Пироговымъ въ заслугахъ своихъ Отечеству и Наукѣ. Каждый благомыслящій и просвѣщенный человѣкъ, прочитавъ настоящій біографическій очеркъ, составляющій лишь слабое очертаніе мощной и выдающейся личности Н. И. Пирогова, получитъ болѣе точное понятіе о томъ, чтó дѣлалъ онъ, какъ думалъ и чего не сдѣлалъ; наконецъ, каждый можетъ разсудить, по своему, заслуживаетъ-ли біографія Н. И. Пирогова быть внесенною въ исторію науки и культуры нашего отечества.

ПЕРЕЧЕНЬ ТРУДОВЪ Н. Н. ПИРОГОВА ВЪ ОБЛАСТИ МЕДИЦИНЫ.

[ОТДѢЛЬНЫЯ ИЗДАНІЯ].

1832—1879.

- I. Num vinctura aortae abdominalis in aneurismate inguinali adhi bitu facile actutum sit remedium. Dorp. Liv. 8. 1832. I. (Диссертація).
- II. Anatomia chirurgica truncorum arteriarum atque fasciarum tibrosum. Atlas F. I. Dorp. 1837.
- III. Ueber die Durchschneidung der Achillessehne als operativ-orthopädisches Heilmittel. (Mit 7 Taf.) Dorpat, 1840. I.
- IV. Chirurgische Anatomie der Arterienstämme und der Fascien. Dorpat. 1840. I.
- V. Anatomia chirurgica truncorum arteriarum atque fasciarum fibrosarum. Revaliae. 8. 1841. I. Atlas F. 1841. I.
- VI. Полный курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла. Спб. 8. s. a. I и Атласъ F. s. a. I.
- VII. Анатомическія изображенія человѣческаго тѣла, назначенныя преимущественно для судебныхъ врачей. Спб. fol. 1846. I. Атласъ 6 таблицъ fol. 1846.
- VIII. Recherches pratiques et physiologiques sur l'éthérisation St. Pétersbourg. 8. 1847. I.
- IX. Патологическая анатомія азіятской холеры. fol. 1849. I. Спб.
- X. Anatomie pathologique du choléra morbus. Atlas. St. Pétersbourg, 1849. I.
- XI. Отчетъ о путешествіи по Кавказу, содержащій статистику ампутацій, опыты и наблюденія надъ огнестрѣльными ранами. Спб. 8. 1849. I.
- XII. Rapport médical d'un voyage au Caucase contenant la statistique comparative des amputations. St. Pétersbourg. 4. 1849. I.
- XIII. Анатомическія изображенія наружнаго вида и положенія органовъ, заключающихся въ трехъ главныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла. 8. 1850. I.
- XIV. Клиническія лекціи (Вып. I) 4. 1852. I.
- XV. Atlas. Petropolis (Pars 1, 2, 3, 4) F. 1852. IV.
- XVI. Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ, съ подробнымъ описаніемъ положенія и способовъ перевязки ихъ. Спб. 8. 1854. I.

- XVII. Der Gypsklebeverband bei einfachen und complicirten Knochenbrüchen und in seiner Anwendung beim Transport Verwundeter und auf dem Schlachtfeld. Leipzig. 8. 1854.
- XVIII. Osteo-plastische Verlängerung der Unterschenkelknochen bei der Exarticulation des Fusses. Leipzig. 8. 1854. I.
- XIX. Betrachtungen über die Schwierigkeiten der chirurgischen Diagnose und über das Glück in der Chirurgie, durch Beobachtungen und Krankheitsgeschichten erläutert. Leipzig. 8. 1854. I.
- XX. Statistischer Bericht über alle meine im Verlauf eines Jahres, Septbr. 1852 bis Septbr. 53, in Hospitälern, Kliniken und in der Privatpraxis vorgenommenen oder beobachteten Operationsfälle. Leipzig. 8. 1854. I.
- XXI. Klinische Chirurgie. Eine Sammlung von Monographien. Leipzig. 8. 1854. 3.
- XXII. Die Gemeinschaft der Schwestern zur Kreuzerhöhung zur Pflege der Verwundeten und Kranken. Berlin. 8. 1856. I.
- XXIII. Anatomia topographica sectionibus per corpus humanum congelatum triplice directione ductis illustrata. Petropolis (Pars I, II, III et IV) 8. 1859. 4. Относится къ № 15.
- XXIV. Grundzüge der allgemeinen Kriegschirurgie. Leipzig. 8. 1864. 2.
- XXV. Начала общей военно-полевой хирургии, взятая изъ наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войнѣ и Кавказской экспедиции. Дрезденъ. Ч. 1 и 2. 8. 1865. 2.
- XXVI. Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учреждений въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870. Спб. 8. 1871. I.
- XXVII. Bericht über die Besichtigung der Militair-Sanitätsanstalten in Deutschland, Lothringen und Elsass im Jahre 1870. Leipzig. 8. 1871. I.
- XXVIII. Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг. Спб. 8. 1879. 2.
-

Типографія М. М. Стасюлевича. Спб. Вас. Остр., 2 лінія, 7.

ИЗДАНИЯ К. РИККЕРА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій проспектъ, домъ № 14.

Аптекарская такса. Нов. изд. 1881. 1 р. 50 к. въ пер. 2 р. 10 к.

Агацъ и Гребъ. Полный атласъ хирургической анатоміи, оперативной хирургіи и хирургическихъ инструментовъ. Съ объяснительнымъ текстомъ. 1872. 8 р.

Anleitung zur Untersuchung verdächtiger Flecken für Aerzte u. Juristen. Mit 8 Tafeln 1871. 2 р. 50 к.

Бергманъ. Результаты резекцій въ суставахъ, произведенныхъ во время войны. Съ двумя листами литографій и 20 фотографіями. 1874. 8 р., безъ фотографій 2 р.

Бертенсонъ и Воронихинъ. Минеральныя воды, морскія купанья и грязи въ Россіи и заграничею. 1874. 1 р.

Вонновъ. Аномалія рефракціи и акоммодациі и физическіе способы изслѣдованія глазъ. 1875. 1 р. 50 к.

Гейденрейхъ. Д-ръ О. Б. Огнестрѣльные пораженія руки и пальцевъ. Военно-хирургической очеркъ по наблюденіямъ изъ двухъ кампаній. Съ 5-ю литографир. рисунками. 1 р. 50 к.

Горвицъ, М. Клин. записки по гинекологіи. 1871. 2 р. 50 к.

Горвицъ, М. Руководство къ патологіи и терапіи женской половой сферы. 2 части 1874—1878. 8 р. 60 к.

Горвицъ, М. Акушерская экскурсія въ Парижѣ. 1880. 40 к.

Гердеръ. Нѣмецко - русскій словарь важнѣйшихъ терминовъ, употребляемыхъ при описаніи и опредѣленіи растений. 1881. 50 к.

Югансонъ. Обзоръ успѣховъ фармаціи въ 1878 году. 1 р. 25 к. въ 1879 г.—1 р. 50 к.

Календарь для врачей на 1881 г. 1 р. 50 к.

Календарь фармацевтическій на 1881 г. 1 р. 50 к.

Кошлаковъ. Анализъ мочи. Съ 43 рис. и 2-я хром. табл. 2 испр. изд. 1880. 1 р. 50 к.

Келеръ. Руководство къ физиологической терапевтикѣ и фармакологіи. Пер. съ нѣм. 3 части 1876—1878. 9 р.

Кенигъ. Руководство къ частной хирургіи для врачей и учащихся. Перев. подъ редакціей и съ примѣчаніями проф. Левшина. Т. I, съ 81 рис. 1876. 4 р. 50 к. Т. II, часть 1-я съ 110 рис. 1879. 3 р. 50 к. Т. II, часть 2-я (конецъ) съ 71 рис. 4 р. 60 к.

Крафтъ Эбингъ. Учебникъ психіатріи. Перев. съ нѣм. Д-ръ А. Черемшанскій. Съ примѣч. и нѣкот. дополненіями проф. И. П. Мержеевского (въ 3 томахъ). Т. I. Общая патологія и терапія помѣшательства. 1881. 2 р.

Лансеро. Ученіе о сифилисѣ. Перев. съ франц. подъ ред. В. М. Гарновскаго. 1877. 6 р.

Нейбауеръ и Фогель. Руководство къ качеств. и количеств. анализу мочи. Пер. съ 6-го изд. 1875. 3 р. 50 к.

Pelikan, E. Gerichtl.-med. Untersuchungen über das Skopzenthum in Russland. Nebst histor. Notizen. Mit 14 Tafeln u. Karten. 1879. 12 р.

Пьерсонъ. Compendium электротерапіи. Пер. съ нѣм., подъ редакціей д-ра Дроздова. 1880. 1 р. 50 к.

Прейеръ. Изслѣдованіе жизни. 1874. 50 к.

Раевскій, Арк. Руководство къ изученію патологической анатоміи и патологіи домашнихъ животныхъ. 1879. 2 выпуска 3 р. 50 к.

Раевскій. Руководство къ изученію инфекціонныхъ болѣзней домашнихъ животныхъ. Вып. 1. 1880. 1 р. 75 к.

Рейтцъ. Введеніе къ изученію болѣзней дѣтскаго возраста. 1879. 1 р. 80 к.

Reitz. Versuch einer Kritik der Schutzpockenimpfung. 1873. 75 к.

Рейтцъ. Критическ. взглядъ на оспопрививаніе. 1873. 50 к.

Рейтцъ. Къ вопросу о прививаніи коровьей оспы. 15 к.

Рейтцъ. По поводу обязат. оспопрививанія. 1876. 40 к.

Рейтцъ. Дифтерія 1880 г. 1 р. 40 к.

Сборникъ постановленій для чиновъ военно-медиц. вѣдомства. Т. I. 1873. 2 р. 50 к.

Симоновъ. Воздушная терапія. 1876. 1. 75 к.

Траппъ. Рецентура. 2-е изд. 1880. 2 р.

Траппъ. Краткая фармакопей. 1881. 1 р. 50 к.

Трѣльчъ. Руководство къ ушнымъ болѣзнямъ. Пер. съ 6-го изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями д-ра Ходина. 3 р. 50 к.

Фармакопей, Россійская. 3 изданіе. 1880. 4 р. 50 к., въ перепл. 5 р. 25 к.

Фодоръ. Здоровый жилой домъ. 1878. 80 к.

Фрезе. Краткій курсъ психіатріи. Выпускъ 1-й. 1881. 1 р. 50 к.

Ходинъ. Практическая Офтальмологія. 1880. 4 р.

ИЗДАНИЯ К. РИККЕРА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій проспектъ, домъ № 14.

Ходинъ. Курсъ глазныхъ операций. (Оперативная офталмологія). Съ 85 рис. въ текстѣ и 4 табл. 1881. 3 р.

Ходинъ. Офтальмоскопія и ея примѣненіе въ офтальмологіи и общей медицинѣ. Съ 40 рисунками и 6-ю хромофотографированными таблицами. 1880. 3 р.

Цюнь. Курсъ физиологіи. 2 тома. 1873. 5 р.

Цюнь. Научныя бесѣды. Популярное изложеніе главнѣйшихъ успѣховъ естествознанія. 1880. 2 р.

Суон, Е. Methodik der physiologischen Experimente und Vivisectionen. Mit Atlas. 1876. 15 р.

Чечотъ. О гальванизациі симпатическаго нерва у человѣка и терапевтическомъ ея значеніи. 1876. 1 р. 40 к.

Шмидъ, Глазъ. Общепонятное описаніе глаза и его дѣятельности въ здоровомъ и больномъ отношеніи. 1879. 1 р. 80 к.

Шпетъ. Родовспомогат. искусство. Изд. 2-е. 1875. 1 р. 60 к.

Шредеръ. Учебникъ акушерства. Переводъ подъ редакціей проф. Горвица. Изд. 2-е. 1876. 4 р.

Эби. Строеніе человѣческаго тѣла, съ обращ. вниманія на его морфол. и фізіол. значеніе. Учебникъ анатоміи для врачей и студ. Пер. съ нѣм. Съ 295 рис. 1873. 4 р.

Эйленбургъ. Руководство къ изученію функціональныхъ нервныхъ болѣзней. Пер. съ нѣм. Манассеина. 1872. 3 р.

Эсмархъ. Перевязочный пунктъ и полевой лазаретъ. Пер. съ нѣм. 1869. 1 р. 50 к.

Въ печати:

Цимсенъ. Руководство общей терапіи. Перев. съ нѣм., подъ ред. проф. В. Манассеина. I томъ.

Скворцовъ. Общепонятная гигиена.

Шредеръ. Учебникъ акушерства. Переводъ подъ ред. проф. Горвица. Изданіе 3-е.

Поллахъ. Бальнеотерапія. Перев. съ нѣм. подъ редакціей д-ра Герценштейна.
